



*Посвящается Джеффри,  
первому герою, с которым я повстречалась.*



(начала все мы были преступниками.

На протяжении столетий обычные люди страшились нас, Одаренных. На нас охотились. Нас истязали. Унижали и притесняли. Нас считали ведьмами и демонами, называли уродами и скверной. Нас забрасывали камнями, вешали и сжигали, и безжалостные толпы собирались поглазеть на это, гордые, что в очередной раз сумели избавить мир от выродка.

Они боялись — и правильно делали.

*На протяжении столетий.* Кто бы выдержал такое?

Все изменил Ас Анархия. Он собрал и объединил самых сильных Одаренных, каких только мог найти, и поднял их на бунт.

Начал он с материальных объектов. Правительственные здания взлетали на воздух. Банки и биржи обращались в руины. Мосты он уничтожал с воздуха. Целые автострады превращал в каменистые пустоши. Армия поднимала в воздух реактивные самолеты — он сбивал их в воздухе, как мошек. Посланные против него танки он давил, как жестянки.

Потом он принялся за людей, которые его разочаровали. Которые разочаровали их всех.

Целые правительства — долой. Правоохранительные органы — разогнать. Все пафосные бюрократы и чинуши, купившие себе власть и влияние... все были мертвы — в считанные недели.

Восставших мало волновало, что придет на смену, когда старый мир погибнет. Их цель — только перемены, и они своей цели добились. Вскоре на руины старого мира повылезли шайки преступников, и каждый негодяй норовил урвать кусок власти и могущества. Вскоре влияние Аса Анархии начало распространяться по всему миру. Впервые в истории Одаренные сбивались в банды, одни были полны озлобления и ненависти, другие просто искали доброго отношения к себе, но так его и не дождались. Восставшие требовали справедливости, соблюдения прав человека, охраны законом — и перепуганные правительства некоторых стран торопливо шли на уступки.

Но в других странах мятежи становились все более жестокими, а насилие перерастало в анархию.

Воцарившийся хаос заполнял пустоту, возникшую на месте цивилизованного общества. Торговля была в упадке, производство практически развалилось. На всех континентах бушевали гражданские войны. Город Гатлон был почти полностью отрезан от мира, и долгие двадцать лет страх и недоверие правили в нем.

Это время называли Веком Анархии.

Сейчас, оглядываясь назад, люди говорят, что Анархисты и другие подобные им банды были самым худшим в те двадцать лет. Но это не так. Конечно, все их боялись, все были запуганы, но, как правило, они никого не трогали, лишь бы вы вовремя платили дань и не причиняли им беспокойства.

Иное дело люди. *Нормальные* люди. Эти были намного хуже. Без законов и порядков каждый — мужчина, женщина, ребенок — был сам за себя.

Преступления и насилие оставались безнаказанными — не к кому было бежать за помощью, если вас избили или ограбили. Ни полиции. Ни судов и тюрем. По крайней мере, законных. Сосед крал у соседа. Громили магазины, разворовывали припасы, не заботясь о том, что в канавах голодают дети. Сильные брали верх над слабыми, а сильные (так бывает почти всегда) нередко оказываются дрянными людишками.

В такие времена человечество теряет веру. Не с кого брать пример, не на кого положиться, мы все стали крысами в канализации.

Возможно, Ас и правда был злодеем. Или, может быть, пророком.

Не исключено, что это почти одно и то же.

Так или иначе, но он и его Анархисты двадцать лет правили Гатлоном, и преступления и пороки были ключом, как нечистоты из засорившейся трубы. И Век Анархии мог затянуться еще на двадцать лет. На пятьдесят. Навсегда.

Но вдруг, будто совсем внезапно... забрезжила надежда.

Яркая и искрящаяся надежда, облаченная в капюшоны и маски.

Прекрасная и радостная надежда, обещавшая покончить со всеми бедами, исправить все мировое зло, обрушить всю силу правосудия на ваших недругов, а попутно еще и сделать строгое внушение пешеходу, нарушившему правила.

Горячая, многообещающая надежда, вдохновляющая нормальных людей на то, чтобы сидеть по домам в безопасности, пока здесь все не исправят. Не переживайте и не пытайтесь помочь себе сами. Вы и так натерпелись, прячьтесь и страдайте. Отдохните. Мы супергерои. *Мы берем это на себя.*

И у надежды появилось имя — Отступники.

## ПРОЛОГ

Нова уже несколько недель собирала шприцы в узком переулке за их домом. Она знала, что родители их отнимут, если найдут, поэтому прятала свои сокровища в старую обувную коробку, вместе с отвертками, хомутиками, ватными шариками — словом, всем тем, что могло пригодиться для ее поделок. В свои шесть (хотя на вид ей можно было дать все семь!) лет Нова уже понимала, как важно быть изобретательной и запасливой. В конце концов, не может же она составить список необходимого и отправить папу с ним в магазин.

Шприцы ей пригодятся. Она с самого начала поняла, какая это полезная штука.

Нова закрепила на носике одного шприца тонкую пластиковую трубочку и опустила ее другой конец в стакан с водой из умывальника. Потянув за поршень, она набрала воды в шприц. Высунув язык в дырочку на месте недавно выпавшего зуба, девочка подхватила второй шприц и прикрепила к другому концу трубки, а потом, порывшись в коробке с инструментами, выудила кусок проволоки. Им вполне можно примотать шприцы к системе ры-

чагов, которые Нова смастерила на крыше своего кукольного дома.

Работа заняла весь день, но теперь, наконец, можно приступить к испытаниям.

Поставив кое-какую кукольную мебель на платформу подъемника, она нажала на поршень шприца. Вода побежала по трубке и выдавила второй поршень, приведя в движение сложную систему рычагов.

Платформа стала подниматься.

Нова улыбнулась.

— Гидравлический лифт. *Успех.*

В этот момент из соседней комнаты раздался плач, а за ним успокаивающий, баюкающий мамин голос. Нова оглянулась на закрытую дверь в спальню. Эви опять болела. У нее все время поднималась температура, а лекарство уже несколько дней как кончилось. Дядя Алек должен принести его, но когда? Может, только через несколько часов.

Услышав, что папа просит дядю Алека найти для Эви детский ибупрофен, Нова подумала было заикнуться о фруктовой жвачке (он дарил ей такую на прошлый день рождения) или пачке перезаряжаемых батареек.

С такими батарейками Нова много что смогла бы сделать.

Но папа, по выражению глаз поняв, что дочь собирается что-то попросить, так посмотрел на нее, что она притихла. Нова не совсем понимала, в чем тут дело. Дядя Алек всегда был к ним добр — приносил еду и одежду, а иногда даже игрушки, добытые за неделю, — но родители никогда не просили его сами, даже если очень сильно в чем-то нуждались. Если им нужно было что-то определенное, приходилось отправляться на рынок и выменивать, чаще всего на вещицы, которые делал папа.



В последний раз из такого похода папа вернулся с упаковкой многоразовых подгузников для Эви и рассеченной бровью. Мама сама зашивала ему рану. Нова наблюдала и невольно удивлялась: когда ее Медвежонок Долли порвался по шву, мама шила в точности так же.

Нова вернулась к своей гидравлической системе. Лифт чуть-чуть не дотягивал до второго этажа кукольного дома. Если бы она могла увеличить объем шприца... а можно подрегулировать систему рычагов...

Но плач продолжался и продолжался. Полы скрипели — это родители по очереди пытались убаюкать Эви, расхаживая с ней по квартире.

Скоро соседи начнут жаловаться.

Со вздохом отложив шприц, Нова встала.

Папа был в гостиной, он качал и подбрасывал Эви, одновременно пытаясь приложить влажную махровую салфетку к ее пылающему лбу. Через открытую дверь Нова увидела, как на крохотной кухоньке мама копается в шкафах, бормоча, что куда-то засунула яблочный сок — хотя все отлично знали, что никакого сока нет.

— Хочешь, я помогу? — спросила Нова.

Папа обернулся, глаза у него были мутными от усталости. Эви совсем зашлась криком, потому что ее не подбрасывали целых две секунды.

— Прости, Нова, — заговорил папа, качая ребенка. — Несправедливо просить тебя об этом... но если б она поспала хоть час-другой... ей обязательно нужно отдохнуть, а к этому времени, смотришь, и Алек подрос бы.

— Мне не трудно, — сказала Нова, протягивая к малышке руки. — Совсем.

Папа нахмурился. Иногда Нове казалось, что ее дар ему не нравится, хотя она не могла понять,

почему. Ничего плохого она ведь не делала, зато в квартире становилось тише.

Нагнувшись, отец бережно положил Эви на руки Нове и проверил, крепко ли она держит. Сестренка становилась все тяжелее — никакого сравнения с крошечным младенчиком, каким она была год назад. Теперь у нее были крепкие ножки, она молотила по воздуху пухлыми ручонками. Родители повторяли, что со дня на день Эви пойдет.

Нова присела на матрас родителей в углу комнаты и пальцами начала гладить шелковистые кудряшки Эви. Девочка докричалась до того, что по щекам у нее катились крупные слезы, а лоб был горячий, как натопленная печка.

Нова обложила одеялами и подушками так, чтобы обеим было удобно, и большим пальцем стерла слезинки со щеки у сестры. Она позволила силе свободно течь сквозь себя. Легкое, нежное биение.

Плач прекратился.

Глаза Эви затуманились, веки потяжелели, ротик приоткрылся.

Вот и все, она уже спала.

Подняв голову, Нова заметила облегченный вздох отца. В дверях показалась мама, удивленная и обрадованная — пока не увидела, как Нова прижимает к себе малышку.

— Больше всего люблю вот так, — прошептала им Нова. — Когда она такая уютная, и... тихая.

Мамино лицо разгладилось.

— Спасибо, Нова. Надеюсь, когда она проснется, ей станет полегче.

— И нам не придется искать себе другую квартиру, — пробормотал папа. — Чарли выгонял жильцов и за меньшие провинности, чем плачущий ребенок.

Мама потрясла головой.

— Он не станет так рисковать, побоится рассердить твоего брата.

— Не знаю, — папа нахмурился. — Я больше не знаю, кто и что станет или не станет делать... Кроме того... мы и так уже много должны Алеку, и я не хочу, чтобы наш долг увеличился еще больше.

Мама ушла на кухню и принялась убирать пачки и банки, которые раскидала по полу, а папа подсел к единственному в квартире столу. Нова наблюдала, как он массирует виски, потом выпрямился и начал работать. Он задумал что-то новое. Нова не знала, что это будет, но ей нравилось смотреть, как работает отец. Его дар был намного интереснее ее собственного — он вытягивал нити энергии прямо из воздуха, соединял их и придавал форму, будто плел кружево из тончайшей золотой проволоки.

Это было очень красиво. Нову завораживало это зрелище — светящиеся волокна словно возникали из пустоты, воздух в комнате тихо гудел и вибрировал, но потом все стихало, постепенно гасло сияние, а в руках у отца, постепенно темнея, оставалось нечто осязаемое.

— Что ты делаешь, папочка?

Отец мельком взглянул на нее, и по его лицу будто пробежала тень. Это не укрылось от Новы, хоть он и улыбался ей ласково.

— Сам пока не знаю, — он говорил, а пальцы продолжали перебирать тончайшие металлические нити. — Но надеюсь, что так мне удастся хоть отчасти исправить тот ущерб, который я причинил этому миру.

Отец вздохнул так шумно, что это заставило Нову неодобрительно нахмуриться. Девочка понимала: есть вещи, о которых родители с ней не говорят, что-то дурное или печальное, от чего они пытаются

ее оградить. Это ее сердило. Иной раз удавалось подслушать их разговоры, долгими ночами, думая, что дочка спит, они могли обронить словечко-другое. Тогда они шептались о разрушенных зданиях и целых кварталах, спаленных дотла. Они приглушенно говорили о борьбе за власть и о том, что некуда спрятаться и опасности подстерегают повсюду, и о том, что из города можно было бы бежать, но насилие, кажется, захватило весь мир, и податься им некуда.

Всего неделю назад Нова услышала, как мама говорит: *«Он разрушит весь мир, если никто его не остановит...»*

Нова тогда хотела расспросить об этом, но знала, что получит в ответ расплывчатые отговорки, грустные улыбки, да уверения в том, что ей не о чем беспокоиться.

— Папочка? — начала она снова, понаблюдав за его работой. — У нас ведь все будет хорошо?

Призрачный медно-красный сгусток энергии вздрогнул и растворился в воздухе. Подавив вздох, отец поднял голову.

— Конечно, солнышко. У нас все будет прекрасно.

— Почему же у тебя всегда такой озабоченный вид?

Отложив работу, он откинулся на спинку стула, помассировал веки. На миг ей показалось, что отец вот-вот заплачет, но он открыл глаза, и все прошло.

— Послушай, Нова, — отец встал со стула и присел перед ней на корточки. — В этом мире много опасных людей. Но в нем много и хороших людей. Смелых. Как бы плохо ни шли дела, надо об этом всегда помнить. Пока в этом мире есть герои, у нас есть надежда, что завтра будет лучше, чем вчера.

— Отступники, — прошептала она с замиранием.

Лицо отца осветила слабая улыбка.

— Отступники, — подтвердил он, кивая.

Нова прижалась щекой к мягким кудряшкам Эви. Отступники в последнее время помогали всем, казалось, они успевают повсюду. Один из них настиг воришку, который вырвал сумку у миссис Огилви. А еще Нова слышала, что Отступники проникли на склад одной из бандитских шаяк и передали всю еду тайному детскому приюту.

— А нам они помогут? — спросила девочка. — В следующий раз мы можем попросить у них детское лекарство.

Отец отвернулся и покачал головой.

— Мы не так сильно нуждаемся в их помощи, как другие люди в городе.

Нова наморщила лоб. Она не могла себе представить кого-то, кому помощь нужна больше, чем им.

— Но, — продолжил папа, — когда они будут нам нужны... *по-настоящему* нужны, они придут, понимаешь?

Он облизал губы и добавил, с надеждой, но не очень убежденно:

— Они нас обязательно защитят.

Нова не ставила его слова под сомнение. А как же, они ведь все супергерои. Все они добрые.

Нащупав пухлые пальчики Эви, она принялась бездумно перебирать их, вспоминая все слышанные ей истории. Отступники вытащили шофера из кабины перевернувшегося грузовика. Отступники остановили перестрелку на рынке в соседнем квартале. Отступники спасли ребенка, упавшего в залив Хэрроу Бэй.

Они помогали всем и везде, всегда появляясь в нужный момент. Вот что они *делали*.

Может быть, думала Нова, когда отец снова взялся за работу — может быть, они просто дожидаются

подходящего момента, чтобы внезапно появиться и помочь им, как помогали другим.

Девочка не могла отвести глаз от рук отца. Не отрываясь, она наблюдала, как его пальцы вытягивают из воздуха новые нити, лепят, придают им форму.

У нее и самой отяжелели веки.

Даже заснув, она видела папины руки, только теперь он ловил падающие с неба звезды и собирал из них мерцающее золотистое ожерелье...

В дверь постучали.

Нова проснулась как от толчка. Эви запыхтела и скатилась с ее коленей. Не понимая спросонья, что происходит, Нова села и потрясла онемевшей рукой, вытянув ее из-под головы у сестренки. По комнате двигались тени. Из коридора доносились тихие голоса. Папин, взволнованный и напряженный. Мамин, повторявший шепотом, *пожалуйста, пожалуйста...*

Нова сбросила одеяло, которым кто-то прикрыл ее во сне, завернула в него Эви, а сама тихонько прошла мимо стола, на котором одиноко лежал медно-красный браслет тончайшего плетения — изящная оправка для драгоценного камня, которому еще только предстояло занять свое место.

Добравшись до двери, она тихонько повернула ручку и чуть приоткрыла дверь, так, чтобы увидеть сквозь щелочку, что происходит в темном коридоре.

В прихожей стоял человек — небритый подбородок, светлые волосы стянуты на затылке в жидкий хвостик. На нем была плотная куртка, хотя погода стояла совсем не холодная. В руке он держал пистолет.

Безразличным взглядом он скользнул по Нове, и она, съезжившись, отшатнулась, но мужчина вновь повернулся к ее отцу, словно и не заметил девочку.

— Это недоразумение, — сказал папа. Он стоял между мужчиной и мамой Новы. — Дайте мне с ним поговорить. Я уверен, что смогу объяснить...

— Никакого недоразумения нет, — ответил человек. Он говорил низким и спокойным голосом. — Вы обманули его доверие, мистер Артино. Он этого не любит.

— Прошу вас, — заговорила мама. — Здесь дети. Умоляю, имейте сострадание.

Человек наклонил голову, чуть-чуть, переводя взгляд с папы на нее.

У Новы в животе все сжалось от страха.

— Позвольте мне только поговорить с ним, — повторял папа. — Мы ничего не сделали. Я предан ему, клянусь. И моя семья... прошу вас, не трогайте семью.

На какой-то миг Нове показалось, что тот человек может улыбнуться, но он не стал.

— Я получил вполне четкие распоряжения. Не мое дело задавать вопросы... или иметь сострадание.

Отец шагнул вперед.

— Уведи девочек. *Иди.*

— Дэвид... — всхлипнула ее мать, отходя к двери.

Она не успела сделать и шага, как незнакомец поднял руку.

Выстрел.

Нова ахнула. Кровь брызнула на дверь, несколько капель попали ей на лоб. Не в силах шевельнуться, она смотрела, как отец с криком бросился к жене. Он поднял ее с пола. Его била дрожь. Мама хрипела, она задыхалась.

— Не оставлять в живых никого, — сказал человек спокойно и невозмутимо. — Такой мне дали

приказ, мистер Артино. Вините в этом только себя самого.

Отец заметил стоящую у двери Нову. Его широко раскрытые глаза были полны ужаса.

— Нова. Бег..

Второй выстрел.

На этот раз Нова закричала. Отец упал рядом с телом мамы, так близко, что девочка могла бы протянуть руку и дотронуться до них обоих.

Она бросилась в квартиру. Вбежав через кухню к себе в комнату, она захлопнула дверь. Рывком открыла свой шкаф. Перебралась через книги, инструменты и коробки, беспорядочно сваленные на полу. Закрыла дверцу за собой изнутри и скорчилась в углу, судорожно хватая ртом воздух. Каждый раз, прикрывая глаза, она видела лежащих на полу родителей. Слишком поздно ей пришлось в голову, что нужно было бы бежать по пожарной лестнице. Слишком поздно.

Слишком поздно она вспомнила:

Она оставила Эви одну.

Она забыла там Эви.

Судорожный вздох слился у нее в горле с криком ужаса, и она попыталась подавить их оба. Рука потянулась к дверце шкафа, и Нова уже прикидывала, насколько быстро у нее получится добежать до гостиной и вернуться, есть ли у нее шанс вынести малышку, оставшись незамеченной...

Не успела она об этом подумать, как дверь из прихожей скрипнула.

Тихонько взвизгнув, Нова зажала рот рукой.

Может, он не заметит Эви. Она ведь продолжает спать.

Она слышала медленные, тяжелые шаги. Скрип половиц.



Нова так сильно дрожала, что испугалась, что ее выдаст стук зубов и костей. Но она понимала также, что это не имеет значения.

Квартирка совсем маленькая, здесь негде спрятаться, некуда бежать.

— Вот придут Отступники, — зашептала она, ее голос в темноте был чуть громче дыхания. Слова пришли в голову сами собой, но это было хотя бы что-то. Что-то надежное. За что можно уцепиться.

*Бабах. Кровь матери на полу.*

Нова заскулила. «Вот придут Отступники...»

Закон, подтверждаемый бесчисленными телевизионными сюжетами. Уверенность, подкрепленная рассказами соседей.

Они всегда приходят.

*Бабах. Тело отца на полу в коридоре.*

Нова прижалась виском к стенке и крепко зажмурилась, а по щекам потекли горячие слезы.

— Отступники... Вот придут Отступники...

В гостиной раздался пронзительный плач Эви.

Глаза Новы мгновенно распахнулись. В горле застряло рыдание, сейчас она не смогла бы вымолвить ни слова.

*Пожалуйста, пожалуйста, пусть они придут...*

Третий выстрел.

У Новы в груди застрял ком.

Мир застыл. В голове была пустота.

Она опустилась на ворох книг, наваленных на полу шкафа.

Эви больше не плакала.

Эви больше не было.

Она слышала, как мужчина ходит по квартире, заглядывает в ящики, за двери. Неторопливо. Методично.

За то время, пока он искал ее, Нова перестала трястись. Она совсем ничего не чувствовала. Не

могла думать. Те слова, как эхо, продолжали гудеть у нее в голове, потеряв всякий смысл.

*Отступники... Вот придут Отступники...*

Нова залил безжалостный свет из ее спальни. Она подняла глаза. Мужчина навис над ней. Его рубашка была забрызгана кровью. Позднее она вспоминала, что на лице у него не было ни сожаления, ни раскаяния, ни жалости.

Совсем ничего не было на лице этого человека, когда он поднял пистолет.

Нова протянула руку и вцепилась ему в запястье, позволяя своей силе изливаться мощнее, чем когда бы то ни было.

У человека отвисла челюсть. Глаза остекленели и закатились под лоб. Он стал заваливаться назад и с грохотом рухнул на пол, сломав кукольный домик Новы. Казалось, от его падения содрогнулся весь дом.

Секунда — и квартиру наполнило мерное, спокойное дыхание.

У Новы снова заработали легкие. Воздух рывками врывался ей в горло. Туда. И оттуда.

Она заставила себя подняться и подняла пистолет. Рукоятка была теплой. Она нажала на спусковой крючок пальцем, хотя он не хотел поддаваться.

Ступила вперед и, одной рукой вцепившись в дверной стояк, вышла из своего убежища. Нова не знала, куда нужно целиться. В голову. В грудь. В живот.

Она прицелилась ему в сердце. Подошла так близко, что пальцами босых ног коснулась его рубахи.

*Бабах. И ее мама умерла.*

*Бабах. И умер папа.*

*Бабах. Эви...*

А Отступники не пришли.

Они, видно, и не собирались приходить.

— Жми на курок, — прошептала она куда-то в пустоту комнаты. — Жми на курок, Нова.

Но она не нажала.

Не смогла.

Прошло несколько минут, или часов, и ее нашел ее дядя. Она все еще стояла над спящим незнакомцем, приказывая себе нажать на курок. Слыша те выстрелы снова и снова, стоило закрыть глаза.

— Нова? — пластиковый пакет упал на пол, вместе с пластиковой бутылочкой с лекарством. Нова вздрогнула и навела на него пистолет.

Дядя Алек даже бровью не повел. Просто подошел и сел рядом с ней на корточки. Одет он был так же, как всегда — в черный с золотом мундир, глаза едва виднелись в прорези медно-красного шлема, скрывавшего большую часть лица.

— Нова... Твои родители... Твоя сестра... — он взглянул вниз и потянул к себе пистолет. Нова отдала его без сопротивления. Лежащий на полу привлек внимание дяди Алека. — Я всегда подозревал, что ты одна из нас, но твой папа не рассказывал, что ты умеешь делать...

Он снова заглянул Нове в глаза — с жалостью и, кажется, с восхищением.

От этого взгляда Нова словно очнулась и бросилась дяде в объятия.

— Дядя Алек, — надрывно заплакала она, ткнувшись лицом ему в грудь. — Он их застрелил... он... он убил...

Дядя поднял ее и прижал к груди.

— Знаю, — прошептал он ей в волосы. — Я знаю, милое, опасное дитя. Но теперь ты в безопасности. Я не дам тебя в обиду.

Нова почти не слышала его слов, в голове у нее стоял страшный шум. Там непрерывно звучали выстрелы. *Бабах бабах бабах.*

— Но, когда мы отсюда выйдем, больше ты не должна называть меня Алеком. Идет, кошмарик? — Он погладил ее по волосам. — Для всего остального мира за пределами этой квартиры я Ас. Ты поняла? Дядя Ас.

Но девочка не слушала. И он, видимо, это понял.

Покрепче обняв не перестающую рыдать девчужку, он направил пистолет на спящего и выстрелил.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Десять лет спустя*

**В**се улицы в центре Гатлона были запружены ряжеными в костюмах супергероев.

Кругом носились дети в оранжевых плащиках с капюшонами. Одни с визгом размахивали над головами мигалками в стиле Черного Огня, другие палили друг в друга из водяных пистолетов с символикой Цунами. Взрослые мужчины напялили синие лосины, расписали наплечные щитки «под Капитана» и сидели теперь, то и дело чокаясь, в кабачках под открытым небом, каких на главной улице было множество. В этом году остро модно было рядиться в одежды другого пола, потому женщины сплошь и рядом щеголяли в весьма откровенных версиях коронного костюма Укротителя Ужаса, а многие мужчины нацепили на спину дешевые копии черных крыльев Гром-птицы.

О, как же Нова ненавидела эти парады Отступников.

Уличные торговцы тоже расстарались — чего только не было на их прилавках, от дрянных подделок светящихся жезлов до крохотных плюшевых фигурок знаменитой пятерки Отступников. Даже

закусочные на колесах были украшены соответственно теме дня, тут были и любимые пирожные Капитана Хрома и корзинки с рыбой и картофелем фри «от Цунами», а надпись на одном фургоне гласила «Любимое блюдо Укротителя Ужаса, цыплята с кукурузой — налетай, пока не **исчезли!**»

Даже если бы у Новы поначалу и был аппетит, сейчас он наверняка бы пропал без следа.

Толпа разразилась приветственными воплями, которые не могли перекрыть звуки оркестра. Голоса труб, барабанов и грохот шагов сотен марширующих музыкантов заливали улицу. Музыка звучала все громче, приближалась к ним. Над головами падали пушки, щедро осыпая толпу блестящими конфетти. Дети обезумели от восторга. Взрослые вели себя немногим лучше.

Нова, слегка разочаровавшись в человечестве, только покачала головой. Она стояла в глубине толпы. Отсюда шествие не было видно во всех подробностях, и ее это устраивало. Руки она скрестила на груди, будто защищаясь. Пальцы барабанили, выдавая нетерпение. Ей казалось, что она здесь уже целую вечность.

Вдруг крики перешли в оглушительный рев, и это могло означать только одно. В поле зрения толпы показали первые платформы.

По традиции первыми двигались платформы со злодеями для того, чтобы окончательно взвинтить толпу и напомнить всем и каждому, чему именно посвящен праздник. Сегодня была девятая годовщина Битвы при Гатлоне, когда Отступники сошлись с Анархистами и другими преступными шайками в кровавом сражении, унесшем десятки жизней с обеих сторон. В конце концов Отступники одержали верх. Мятежные Анархисты были повержены, а те немногие из преступников, кто не был

уничтожен в тот день, либо уползли и попрятались в щели, либо бежали из города.

Сам же Ас... Ас Анархия погиб. Был уничтожен взрывом, сровнявшим с землей не только кафедральный собор, в котором он поселился, но и окружающие жилые кварталы.

Тот день официально признали концом Века Анархии и началом правления Совета.

Его назвали Днем Триумфа.

Подняв голову, Нова следила за огромным, почти во всю ширину улицы, воздушным шаром, плавно проплывавшим между небоскребами. Это была злая карикатура на Атомного Мозга, некогда одного из ближайших соратников Аса, которого Отступники убили почти пятнадцать лет назад. Нова не знала его лично, но все равно неприятно было видеть, как его изобразили на воздушном шаре — непомерно раздутая голова и уродливо искаженные черты лица.

Толпа без устали хохотала.

В ухе у Новы щелкнул миниатюрный передатчик.

— Итак, мы начинаем, — прозвучал голос Ингрид, сухой, без тени юмора.

— Повесели их на славу, — добавил Фобия. — Недолго им осталось смеяться. Кошмар, ты на позиции?

— Все в порядке, — отозвалась Нова, стараясь как можно меньше двигать губами, хоть и понимала, что вряд ли хоть кто-то в толпе обращает на нее внимание. — Осталось только уточнить, на какую именно крышу мне нужно подняться.

— Совет пока не выходил из пакгауза, — сказал Фобия. — Будь начеку.

Посмотрев на другую сторону улицы, Нова различила в окне второго этажа делового центра Ин-

грид (она же Детонатор), выглядывавшую сквозь жалюзи.

Толпа вновь взревела, еще восторженнее прежнего. Поверх голов Нова увидела очередную искусно сделанную платформу. Декорация представляла собой миниатюрную версию Гатлона с характерными очертаниями крыш. Среди домов стояли актеры в гротескных костюмах, изображающие самых знаменитых членов банды Аса Анархии. Двоих Нова узнала — Крыса и Адский Огонь оба пали от руки Отступников, — но не успела она оскорбиться за них, как вдруг заметила на возвышении еще одну фигуру. От неожиданности у нее вырвался смех, хоть немного снявший напряжение, в котором она пребывала с самого утра.

— Фобия, — позвала она, — а ты знал, что в этом году тебя сделали участником парада злодеев?

В наушнике раздалось недовольное хмыканье.

— Мы здесь не для того, чтобы восхищаться парадом, Кошмар.

— Не переживай. Ты здорово смотришься там, наверху, — откликнулась Нова, любясь актером. Он был наряжен в длинный черный плащ и потрясал громадной пластиковой косой с приклеенными к ней резиновыми змеями. Но когда артист распахнул плащ, под ним обнаружилось бледное щуплое тело, не прикрытое ничем, кроме ядовито-зеленых плавок.

Толпа пришла в исступление. Даже Нова не удержалась от кривой усмешки.

— Ну надо же, какие вольности они себе позволяют.

— А мне даже нравится, — хихикнув, отозвалась Ингрид, наблюдавшая за парадом из окна.

— Внушает ужас, это точно, — согласилась Нова. Фобия ничего не сказал.



— А это что?.. — ахнула Ингрид. — Ох, силы небесные, в этом году они еще и Королеву Пчел вытасили.

Нова снова посмотрела. Сначала актриса была скрыта за силуэтом города на платформе, но вот она оказалась в поле зрения, и брови у Новы поползли на лоб. Женщина красовалась в белокуром парике вдвое больше ее головы. Вульгарное, расшитое блестками платье в желто-черную полоску сверкало и переливалось на солнце. Размазывая по щекам черную тушь, актриса прижимала к груди огромного плюшевого шмеля и громко жаловалась на то, как обижают ее бедных пчелок.

— Ого, — заметила Нова. — Кстати, получилось довольно похоже.

— Мне уже не терпится рассказать Хани, — сказала Ингрид. — Жаль, мы не догадались заснять все это.

Но Нова уже не смотрела на шествие — она, наверное, в тысячный раз обшаривала взглядом толпу. Она так и приплясывала на месте, не в силах стоять. Ей необходимо было двигаться.

— Тебе обидно, что здесь нет Детонатора? — заинтересовалась Нова.

После затянувшейся паузы Ингрид ответила:

— Да нет, ведь я-то здесь.

Девушка снова сосредоточилась на шествии. Привстав на носки, она пыталась разглядеть других своих соратников среди персонажей парада, когда раздался оглушительный грохот. Крыша самого высокого здания на платформе — макета Торговой Башни — отвалилась, словно от взрыва, и оттуда с безумным хохотом показался новый актер, картинно воздевший руки к небу.

Восторг зрителей достиг апогея, а Нова стиснула зубы до боли.

Костюм Аса Анархии были ближе всех к настоящему — знакомый черный с золотом костюм и такой узнаваемый шлем.

Захваченная врасплох толпа быстро приходила в себя. Для многих именно этот момент был главным событием парада, даже более привлекательным, чем явление обожаемого всеми Совета.

Не теряя времени, люди принялись извлекать порченные фрукты и вялые капустные кочаны, принесенные сюда специально для этого. Выкрикивая непристойности и злые шутки, они забрасывали гнильем злодеев на платформе. Артисты держались с завидной стойкостью. Они увертывались, прятались за макеты домов и визжали с наигранным показным ужасом. Тот, что изображал Аса Анархию, принял на себя основной огонь, но ни на миг не вышел из образа — потрясая кулаком, он обзывал бегущих рядом с платформой ребятишек *канальями*, *вонючками* и *кошмариками*, а потом снова нырнул в пустой дом и накрылся изнутри крышей, готовясь сделать сюрприз для зрителей на следующей улице.

Нова облизала пересохшие губы, внутри у нее все сжималось и стало полегче, только когда платформа, наконец, проплыла мимо.

*Кошмарик...*

Он и ее так звал, много лет тому назад.

За платформами следовали акробаты, над головами плыл гигантских размеров воздушный шар с портретом Гром-птицы. Нова обратила внимание на транспарант с рекламой предстоящих испытаний Отступников.

***Отвага. Доблесть. Честь. Есть ли в тебе то, без чего не стать героем?***

Не сдержавшись, Нова издала громкий звук, будто ее затопило, и стоящая рядом старушка смерила ее укоризненным взглядом.

Неожиданно кто-то с лету наскочил на нее. С трудом устояв на ногах, Нова инстинктивно схватила бегущую девочку за плечи, не дав ей упасть на тротуар.

— Эй, смотри, куда бежишь, — сказала Нова.

Девочка подняла голову — лицо наполовину закрывала маска, Укротитель Ужаса в уменьшенной, более щуплой и худосочной версии.

— Что там у тебя, Кошмар? — раздался в ухе голос Ингрид. Нова не ответила.

Буркнув под нос невнятное извинение, девчонка вырвалась и снова нырнула в толпу.

Нова поправила рубашку и хотела было вернуться к параду, как вдруг увидела, как та же девчушка врезается еще в кого-то. Но вместо того, чтобы помочь ей не упасть, как сделала Нова, человек стремительно присел, ухватил девочку за лодыжку и одним быстрым движением перевернул ее вверх тормашками.

Нова изумленно наблюдала, как незнакомец тащит девочку (та извивалась, пытаясь вырваться) назад к ней. На вид он был примерно ее, Новы, возраста, но намного выше, смуглый, с коротко стриженными волосами и в очках в толстой оправе. Он легко двигался в толпе, и можно было подумать, что руках у него плюшевая игрушка, а не яростно брыкающийся ребенок.

Поравнявшись с Новой, парень остановился и улыбнулся.

— Вот, возьми, — сказал он, протягивая руку.

— Отпусти сейчас же! — вопила, отбиваясь девчонка. — Поставь меня!

Нова смотрела на парня и на девчонку, потом окинула взглядом окружавшую их толпу. Слишком много народу. И все глазют на них. Глазют *на нее*.

Это нехорошо.

— Что ты делаешь? — повернулась она к парню. — Поставь ее на землю.

На это он ответил еще более безмятежной улыбкой, и у Новы вдруг екнуло сердце. Не просто от того, что подобные улыбки сводят других девушек с ума — что-то в парнишке показалось ей смутно знакомым, и Нова напрягала извилины, пытаясь сообразить, откуда она его знает и не опасен ли он.

— Ну что ж, Сорока, — заговорил парень довольно строго, — даю тебе три секунды, после чего посылаю запрос о переводе тебя на испытательный срок. И вообще, я вспомнил, что нашим уборщикам как раз требовалась помощь...

Девочка, фыркнув, перестала вырываться. Маска заскользила и чуть не слетела у нее со лба.

— Какой же ты противный, — проворчала она и полезла в карман. Достав что-то, она подала это Нове, которая нерешительно протянула навстречу руку.

На ладонь скользнул браслет — ее браслет.

Нова в недоумении уставилась на свое запястье — там, где много лет она не снимая носила браслет, только белела тонкая полоска незагорелой кожи.

В ушах прогремел голос Ингрид.

— Кошмар, что происходит?

Нова не ответила. Сжимая браслет в кулаке, она смотрела на девочку — та в ответ вызывающе сверкнула глазами.

Юноша, не церемонясь особо, разжал руки и выпустил девчонку, но та, упав на мостовую, проворно вскочила на ноги, не успела Нова и мигнуть.

— Я не стану об этом докладывать, — обратился к ней парень, — потому что уверен, что теперь-то ты, наконец, исправишься. Правда?

Девочка сердито зыркнула на него.

— Не строй из себя моего папашу, Скетч, — с этими словами она бросилась прочь и скрылась за ближайшим углом.

Нова повернулась к нему.

— Кстати, она только что пробовала обокрасть еще кого-то.

В ухе снова зажужжал голос Ингрид.

— Кошмар, с кем ты там разговариваешь? Кого обокрали?

— ...может заставить ее переосмыслить свои поступки, — говорил парень, но Нова пропустила большую часть его речи. Их взгляды на миг встретились, потом он перевел глаза на ее сжатый кулак.

— Хочешь, помогу с этим?

Девушка плотнее сжала пальцы.

— С чем это? С браслетом?

Он кивнул и, прежде чем Нова сообразила, что происходит, взял ее за запястье. Это настолько ее поразило, что она разжала кулак.

— Когда я был маленьким, — сказал парень и бережно взял с ее ладони филигранную медно-красную вещицу, — мама всегда просила помочь ей застегнуть браслет.. Ой! Тут застежка сломана.

Нова — она воинственно-недоверчиво всматривалась в его лицо — опустила глаза на браслет.

— Вот засранка! — ахнула она.

— Нова? — снова прозвучал голос Ингрид. — Тебя что, засекли?

Нова пропустила это мимо ушей.

— Все нормально, — успокоил ее парень. — Я могу починить.

— Починить? Это? — Нова хотела вырвать у него браслет, но он увернулся. — Ты не понимаешь. Этот браслет не... это же...

— Доверься мне, — и он достал из заднего кармана тонкий черный маркер. — Носишь на этой руке, да?

Он приложил браслет к запястью, опять заставив Нову вздрогнуть и замереть от неожиданного прикосновения.

Одной рукой придерживая браслет, он зубами снял с фломастера колпачок и начал рисовать прямо у нее на коже, заполняя пространство между двумя концами сломанной застежки. Нова следила за рождением рисунка — вот две тонкие линии соединили проволоочки, затем между ними появился изящный замочек, с поразительно изящным и тонким для рисунка фломастером узором, который, к тому же, по стилю идеально совпадал с орнаментом браслета.

Закончив рисовать, паренек закрыл маркер колпачком, все еще зажатым в зубах, и склонился над ее запястьем. Он подул на него — легко, чуть заметно, но от этого дуновения у Новы побежали мурашки.

Рисунок ожил, отделился от кожи, обретая объем и форму. Тонкие линии слились с краями браслета, так что Нова не могла бы сказать, где кончается настоящий браслет и начинается нарисованная застежка.

Хотя нет — не совсем так. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что новая застежка не в точности повторяет цвет браслета. В ней был заметен розоватый оттенок и даже чуть заметные голубые прожилки на том месте, где рисунок пересек вену под кожей.

— А что с камнем? — деловито просил парень, поворачивая ее руку и постукивая маркером по пустующей ямке, некогда предназначавшейся под драгоценный камень.

— Его тут и не было никогда, — буркнула Нова.

— Хочешь нарисую?

— Нет, — она отдернула руку. Подняв глаза (как раз вовремя, чтобы заметить его удивленный взгляд), она поспешно договорила: — Нет, спасибо.

Парнишка, кажется, собирался уговаривать ее, но передумал и улыбнулся.

— Как хочешь, — он небрежно сунул маркер в карман.

Нова покрутила рукой в разные стороны. Застежка держалась.

В располагающей улыбке наблюдавшего за ней парня появился чуть заметный оттенок — гордость.

Одаренный, это ясно. Но еще он...

— Отступник? — она сделала усилие, чтобы голос не звучал враждебно.

— *Отступник?* — повторила Ингрид в наушнике. — Ты с кем там болтаешь, Нова? Почему ты не...

Ингрид не закончила, а юноша не успел ответить Нове, потому что зрители принялись вопить с новой силой и взорвались шквалом аплодисментов. Над платформами теперь запускали фейерверк, и залпы сливались с восторженным ревом толпы.

— Похоже, что главные герои прибыли, — без особого интереса заметил парень, глядя на платформы через плечо.

В ухе затрещал голос Фобии.

— Западная точка, Кошмар. Западная точка.

Вспомнив о своей задаче, Нова подскочила.

— О, скоро.

Парень не расслышал:

— Вообще-то, я не Оскар. Адриан.

На переносице, над оправой очков, у него появилась морщинка.

Нова отступила на шаг.

— Мне нужно идти.

Резко развернувшись, она бросилась бежать, растолкав локтями компанию почитателей Отступников в карнавальных костюмах.

— На той неделе испытания Отступников! — воскликнул один из них и ткнул ей в руки листок бумаги. — Вход свободный! Приходи сам, приводи других!

Нова смяла рекламку и не глядя запихнула в карман.

— Не стоит благодарности! — раздалось сзади.

Она не обернулась.

— Цель в настоящее время движется мимо Альткорпа, — известил Фобия, когда Нова нырнула в тень закоулка. — Доложи обстановку, Кошмар.

Убедившись, что в переулке никого нет, Нова откинула крышку мусорного бака и перегнулась через край. Вместительная спортивная сумка дожидалась ее там.

— Как раз забираю свои вещи, — сообщила она, вытаскивая сумку, бросила ее на землю, захлопнула крышку бака. — Буду на крыше через две минуты.

— Лучше через одну, — сказал Фобия. — Все-таки тебе предстоит уложить супергероя.



## ГЛАВА ВТОРАЯ

Нова забросила сумку за спину и дотянулась до утяжеленной грузом веревки, приготовленной ею накануне. Вережка проходила через шкив, расположенный на крыше здания, а к обоим ее концам морскими узлами были привязаны грузы. Намотав веревку на руку, Нова развязала узел на одном конце, и груз тяжело упал на землю.

Груз, закрепленный на другом конце, рванулся вниз. Нова легко взмыла вверх, вдоль бетонной стены здания и резко остановилась на высоте шестого этажа.

До шкива оставалось всего несколько дюймов. Нова ухватила за бортик и подтянулась. Припадая к крыше, она расстегнула сумку, извлекла костюм, который придумала сама и соорудила с помощью Королевы Пчел. Опоясала бедра широким оружейным ремнем со специальными кармашками и крючками для всех ее любимых изобретений. Затем наступил черед облегающей черной куртки с капюшоном. Водонепроницаемая и огнеупорная, но при этом легкая, как перышко, она не сковывала движений. Нова застегнула молнию под горло, натянула рукава до костяшек пальцев и только тогда

надела капюшон. В шов были зашиты грузики, которые удерживали капюшон, не давая ему соскальзывать со лба.

Наконец настала очередь маски. Твердая, металлическая, она идеально сидела на переносице и, закрывая лицо, скрывалась за поднятым воротником куртки.

Закончив переодевание, Нова достала из сумки винтовку и единственную пулю — точнее, отравленный дротик.

— Где ты, Кошмар? — спросил Фобия.

— Я на крыше. Почти на позиции.

Нова подошла к самому краю крыши и посмотрела вниз, где продолжался праздник. Здесь было немного потише — шум толпы заглушали завывания ветра и гудение электрогенераторов. Улица была пестра от конфетти, флажков, воздушных шариков и ярких костюмов, снизу доносились крики, смех и музыка.

Нова зарядила винтовку пулей-дротиком.

Операцию планировал Фобия, и это был план, прекрасный в своей простоте. Когда он рассказал о нем группе, Уинстон разворчался было из-за того, что его не включили, но Фобия высказался в том смысле, что Уинстон (большинству известный, как Кукловод) не выносит, чтобы что-то было просто.

Сегодня в деле их было только трое. Больше им никто не требовался. У Новы была единственная отравленная пуля, изготовленная вручную Лероем Флинном, их собственным специалистом по ядам. Ей и нужна была только одна. Если она промахнется, второго шанса все равно не будет.

Но она не должна промахнуться.

Она убьет Капитана.

После выстрела Ингрид, Детонатор, выскочит откуда ни возмись из засады и забросает платформу Совета своими фирменными бомбами — изготовлен-

ными из атмосферного водорода — чтобы дать ей, Нове, возможность скрыться. Фобия сосредоточится на Гром-птице, так как в бою та обычно взмывала в воздух — несправедливо, что у нее такое преимущество. Анархисты прослышали, что Гром-птица до смерти боится змей, и исходили из того, что эти слухи правдивы — ведь змеи были одним из коньков Фобии. При самом плохом раскладе страх должен был парализовать ее на некоторое время, чтобы Нова и Ингрид успели смыться. Лучший вариант: сердечный приступ и обморок прямо в полете.

Вот и все. Совет, пятеро исконных Отступников — все будут уничтожены сразу.

Но прежде всего Нове нужно было одолеть хвелевую неуязвимость Капитана.

— Гхм... Кошмар?

— Я на месте, Детонатор. Расслабься.

— Да, я вижу тебя там, наверху. Но... Разве Фобия велел тебе быть не на западной точке?

На миг Нова застыла. Потом окинула взглядом крышу, потом проем между этим зданием и жилым домом на другой стороне улицы, где дожидалась вторая, не использованная, веревка с грузами. Она прищурилась на полуденное солнце — и выругалась.

В ухе застрекотал голос Фобии.

— Только не говори, что забралась не на тот дом.

— Да отвлекли меня тут, не вовремя, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Фобия вздохнул.

— И недели работы над планом пошли псу под хвост.

— А не сможет она поразить цель с западной крыши? — спросила Детонатор.

Помолчав секунду, Фобия ответил:

— В Черного Огня или Цунами — легко, но только не в Капитана. Парад свернет раньше, чем она сможет прицелиться.

— Ну ладно, уберем одного члена Совета, хоть что-то. А за другими придем в другой раз.

— Нашей целью был Капитан. Все было задумано именно для того, чтобы уничтожить *Капитана*.

— Один Отступник все же лучше, чем ничего.

— Это не изменит того факта, что наш план провалился.

Облизнув губы, Нова смотрела на другую крышу, прикидывая расстояние между домами.

— Успокойтесь все. Я смогу оказаться на нужной точке. Фобия, сколько у меня времени?

— Маловато, — прорычал он.

— Сколько?

— Десять секунд до того, как платформа окажется в основной зоне прицела, да еще секунд сорок пять до выстрела.

Нова схватила сумку и перебросила через проулок. Послышался глухой удар — это сумка упала на крышу.

— Я бы тебе не советовал, — протрещал в наушнике голос Фобии.

— Пусть попробует, — возразила Детонатор. — Если свалится, сама будет виновата.

— Я не упаду, — пробормотала Нова. Закрепив винтовку на спине, она достала из кармашка на ремне пару перчаток. Сунув в них руки и застегнув пряжки, она большими пальцами надавила кнопки на запястьях. Ток пробежал по черной коже перчаток, приводя в действие вакуумные присоски на ладонях и пальцах.

Девушка еще раз оценила расстояние. Отошла к дальнему краю крыши. Сделала вдох.

И побежала.

Башмаки тяжело прогрохотали по крыше. Воздух свистел в ушах, раздувал капюшон. Она оттолкнулась правой ногой и прыгнула.

Приземлилась, ударившись животом о край кирпичной стены по другую сторону переуллка. Тело пронизала острая боль. Со стоном Нова поспешно прижала ладони к стене, чтобы не заскользить вниз.

В наушниках раздался пронзительный радостный вопль Ингрид.

Фобия не издал ни звука, пока Нова не вскарабкалась на восточную стену, а потом сказал только:

— Визуальный контакт через четыре секунды.

Отключив давление на перчатках, Нова подождала, пока присоски втянутся к ткань, и снова надвинула капюшон на лицо, стянула со спины винтовку. Обойдя лифтовую шахту, она оказалась на краю крыши. Кровь с силой билась в висках. Платформу Совета пока не было видно, однако по всплеску воодушевления внизу было ясно, что она вот-вот покажется.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в том месте, которым она ударилась о стену, Нова опустила на одно колено и приладила ствол на выступ крыши. Потом еще раз проверила заряд.

— Готова.

— Молодчина, Кошмар, — сказала Детонатор.

— Она еще ничего не сделала, — отозвался Фобия.

— Знаю, но разве не классно, что в команде снова есть стрелок?

— Она пока никак себя не показала.

— Может, хватит уже? — проворчала Нова, стаскивая перчатки и снова закрепляя их на ремне.

Далеко внизу показалась платформа Совета. Это была исполинская многоярусная конструкция с пятью пьедесталами, вздымающимися из темной гро-

зовой тучи. Самой настоящей грозовой тучи, с громом и молниями — похоже, они и впрямь считали себя богами или чем-то в этом роде.

Нет, вы только посмотрите на них. Они точно вообразили себя божествами.

Гром-птица — неподражаемая Тамайя Раи — стояла на первом пьедестале, расправив громадные черные крылья на всю ширину платформы, ветер играл ее длинными темными волосами. Она напоминала вырезанную фигуру на носу корабля. Время от времени она метала молнии, чтобы озарить тучу под ногами.

Впрочем, молниям было не затмить супергероя, стоявшего на втором пьедестале. Черный Огонь без устали запускал в воздух фейерверки и световые вспышки, под аханье и крики зевак. Эвандер Уэйд, шести футов ростом, с рыжей бородой и завитыми усами, всегда казался Нове похожим больше на лебрекона-переростка, чем на супергероя. Но очевидно и у него имелись преданные фанаты, и дикие вопли из толпы это подтверждали.

Что до Касуми Хасегавы, то она, казалось, вообще не замечала, что находится на шумной улице и участвует в параде. Впрочем, Цунами всегда выглядела так же отрешенной — погруженной в собственный мир, с загадочной холодной улыбкой на губах. Сейчас она просто стояла, раскинув руки и едва шевеля пальцами, а поток воды, в которой плескались разноцветные коралловые рыбы, обвивался вокруг нее, точно лента, в гипнотическом танце. Струя, состоящая из водяной пыли, брызг и рыбок, вращалась и закручивалась спиралью во всех направлениях.

Показался четвертый пьедестал — на первый взгляд, пустой. Это означало, что там находится Саймон Вествуд. И, кто бы сомневался, Укротитель Ужаса почти сразу же стал видимым, приняв позу

Мыслителя. Спустя секунду он снова исчез, чтобы вновь возникнуть — на этот раз в стойке на руках, а потом на одной руке. Еще миг, и он опять стал невидимым. При его новом появлении зрители зашлись от хохота, так как он стоял не у себя, а на пятом, самом высоком пьедестале, и пальцами ставил рожки Капитану Хрому.

Рядом они казались разными, как день и ночь. Саймон Вествуд оливково-смуглый брюнет с коротко стриженной бородкой и буйной шевелюрой, Хью Эверхарт, обожаемый в городе Капитан — олицетворение мальчишеского обаяния, золотоволосый и с ямочками на щеках.

Капитан Хром с деланным испугом оглянулся через плечо на Укротителя Ужаса. Они обменялись полными нежности взглядами. Нова была слишком мала и не помнила, был ли в городе скандал, когда два исконных Отступника объявили, что любят друг друга — и было ли вообще ими сделано какое-то объявление. Может, просто все так и было, с самого начала. Так или иначе, подумала Нова, мир тогда лежал в руинах и людям попросту было не до таких мелочей, а за это время Капитан Хром и Укротитель Ужаса успели стать всеобщими любимцами. Бульварные газеты вечно перемывали им кости: то гадали, не собирается ли звездная парочка усыновить еще одного ребенка, то объявляли об их намерении выйти из Совета и перебраться в тропики, то раскапывали грязные тайны из прошлого, грозившие их разлучить.

Однако, судя по их сладеньким улыбкам, Нова очень сильно сомневалась, что у этих слухов были хоть какие-то основания — от этой мысли она скрипнула зубами.

За что им такое счастье, разве они его заслужили?

Девушка устроилась на позиции, рассчитала расстояние и угол, не выпуская из руки оружие.

Укротитель Ужаса вновь исчез, после чего вернулся на собственный пьедестал, и Капитан остался один — король перед своими верными подданными. Его облик был знаком Нове, как ее собственное отражение в зеркале. Золотистые волосы вьются, обрамляя высокий лоб. Могучая мускулистая грудь, на широких плечах синие нашивки. И улыбка победителя, а зубы — такие белые, что, казалось, солнце высекало из них искры.

Под оглушительное крещендо восторженных криков Капитан направился к стойке рядом с пьедесталом. Схватив длинную металлическую пику, он поднял ее над головой. Одновременно с этим в воздухе взорвался фейерверк Черного Огня, озарив все вокруг золотистым светом.

У Новы все оборвалось внутри.

— Как же?..

— Не думай об этом, — сказал Фобия.

— О чем не думать? — заинтересовалась Ингрид.

Не в силах ответить, Нова сглотнула, пытаясь избавиться от кома в горле.

Капитан Хром, супергерой и обожаемый масками Отступник, крутил на конце пики шлем Аса Анархии. Когда-то он вмялся тому в череп. А материал бронзового цвета, еще до рождения Новы извлеченный из воздуха чуткими пальцами ее отца, разлетелся тогда на осколки.

В наушниках в который уже раз зазвучал голос Ингрид — увидев, что происходит на платформе, она сочувственно ойкнула. Но Нова этого не услышала.

Она снова была шестилетней девчонкой. Испуганной. Ошеломленной. Она снова заглядывала в глаза, видные в прорезях шлема, бросалась в объятия дяди.



Отступники тогда так и не пришли, а пришел он. Да, он тоже опоздал и не спас ее семью, но все-таки пришел. И спас ее.

— Я сказал, не думай об этом, — чуть не рычал Фобия.

— Я и не думаю.

Нова расправила плечи.

— Думаешь.

— Все нормально, Кошмар, — включилась Ингрид. — Ты же делаешь это для Аса, да? Используй свой гнев. Воспользуйся случаем, отомсти им.

Нова молчала. Мир затих и стал безмолвным. Безмятежным. Черно-белым.

Она заглянула в телескопический прицел, вывешивая наводку.

Бить нужно в глаз. Попади она в любое другое место, из-за слоя хрома у него под кожей пуля срикошетит, и яд не попадет в кровеносную систему.

Поэтому все должно быть проделано безупречно.

И она справится.

Годами она готовилась к этому мгновению.

*Используй свой гнев.*

Это была не только месть за Аса, хотя, если подумать, хватило бы и ее. Это была месть за родителей и сестру, которых Совет мог спасти, но не спас.

А еще она делала это, чтобы влить новую силу в мечту Аса. Он мечтал о свободе для *всех* Одаренных, не только для тех, кто стелился перед этими самозванцами из Совета и их деспотичными законами.

Нова знала, что Совет не оправдывал надежд — ни тогда, ни даже сегодня, сейчас — и, хотя никто не хотел говорить об этом, но всем было бы лучше без них.

Казалось, внизу все стихло — уличный шум заглушала решимость, барабаном стучавшая у Новы в голове. Глаз Капитана появился на мушке. Не-

правдоподобно голубой, с мелкими морщинками в уголке, когда Капитан улыбался. Он уже не был молодым, как в те дни, когда он собрал вокруг себя Отступников. Годы брали свое, и члены Совета постепенно старели, передавая свои заветы подрастающему поколению.

— Поехали, — шепнула себе Нова. *Вдох.* Палец прижат к спусковому крючку.

Они старели, но по-прежнему контролировали все. Сохраняли всю полноту власти. Власти у них, пожалуй, было побольше, чем раньше, когда они по ночам патрулировали улицы в поисках злодеев и преступников.

Больше, чем когда он отнял этот шлем у законного владельца.

*Выдох.*

— Давай же, Нова.

*Вот придут Отступники.*

Нова прищурилась.

— Что не так? — спросила Детонатор.

— Все нормально, — Нова облизала губы. Опять взяла прицел. Платформа уже плавно сворачивала за угол. Скоро она скроется из виду. Капитан вот-вот ускользнет от нее, вместе со своей обаятельной улыбочкой, и будет приветствовать поклонников на соседней улице.

Это лучшая возможность убрать Капитана, а вскоре за ним последует и остаток Совета.

И пока Отступники будут метаться в поисках тех, кем бы их заменить, Анархисты снова восстанут. На этот раз, без помех вроде бандитских шаек, они покажут этому городу, что такой истинная анархия. Настоящая свобода. Настоящая личная ответственность. Для каждого.

Все, что ей нужно сделать, это нажать на спусковой крючок.

Краем глаза Нова заметила какое-то насекомое. Она шикнула, отгоняя его.

Снова отыскала цель.

Капитан шевельнулся, немного повернул голову в ее сторону.

Лучшей цели и желать нельзя.

Нова выдохнула. Палец начал движение.

Что-то опустилось на дуло винтовки. Замерев, Нова посмотрела — на самом конце ствола, пома- хивая крыльями, сидела крупная, черно-оранжевая бабочка.

Нова подняла взгляд выше.

В небе над ней клубилось облако бабочек-дана- ид — сотни, а может быть, тысячи ярких золоти- стых крыльев. Они вихрем кружили над ней, то снижаясь, то вздымаясь вверх.

— У нас гости.

В наушниках тишина, а потом вопрос:

— Отступники?

Она не ответила. Платформа сворачивала. Пять секунд, может меньше.

Нова снова нашла в прицеле Капитана, его чу- десные волосы, его безукоризненную улыбку, его прекрасные голубые глаза...

Точно между ними в небо поднялась связка воз- душных шариков с изображениями Отступников на каждом.

Она переждала, не шевелясь. По шее текли струйки пота.

Шары пролетели.

Капитан Хром поднял глаза, казалось, он смо- трит *прямо на нее*.

Она выстрелила.

Капитан повернул голову, буквально на волосок.

Стрелка ударила в висок. В прицел Нова видела, как выскочила игла.

Капитан Хром резко дернулся, вот он уже осматривает крыши, сигналил своим соратникам. Ругаясь, на чем свет стоит, Нова пригнулась.

В воздухе мелькнула красная петля на тонкой проволоке. Она обвилась вокруг винтовки и стремительно скрылась вместе с оружием.

Нова вскочила на ноги.

На краю крыши стояла девчонка-подросток, бледная и веснушчатая. В одной руке она сжимала винтовку Новы, в другой — красную проволочную петлю. На ней была форма Отступников — облегающий, темно-серый комбинезон из лайкры, закрывающий ее от шеи до ботинок, с алой буквой «О» слева на груди. Волосы — путаница из выбеленных и черных, как вороново крыло — небрежно стянуты на затылке в лохматый хвост.

Рядом с ней роились бабочки, поднимая крыльями вихрь, они собирались все плотнее, пока не собрались вместе, превратившись в еще одну девицу, точно в таком же сером костюме. Ее лицо обрамляли длинные белокурые дреды.

Красная Убийца и Данаида.

Нове уже однажды довелось с ними столкнуться — она тогда забралась в маленькую аптеку, чтобы добыть нужные Лерою реактивы, а Отступники пытались ей помешать. Впрочем, их было больше, чем в этот раз.

Нова приподняла бровь.

— Где же остальные? Валяются под столами в пивнушке?

Не успев договорить, она услышала скрежет, и металлическая решетка над шахтой лифта со скрипом поднялась.

Из шахты выбрался третий Отступник — загорелый парень с шапкой густых черных волос. Он слег-

ка прихрамывал и шел, опираясь на палку. Следом за ним вились полупрозрачные струйки дыма.

Дымовой Щит.

Нова криво усмехнулась, приподняв угол рта.

— Вот это *немного* похоже на прошлую встречу.

В ухе затрещал голос Детонатора.

— Что там происходит?

Нова не ответила.

— Кошмар, — заговорил Дымовой Щит, чуть заметно кивнув. — Давно не виделись.

— А ты, видно, хотел бы не встречаться подольше, — положив руки на ремень, Нова незаметно отстегнула две метательные звезды с тепловым самонаведением (за лето она идеально отладила это свое изобретение).

Обе звездочки она метнула в Красную Убийцу, зная, насколько опасна эта ее петля. Красная увернулась. Данаида снова рассыпалась смерчем из бабочек.

Нова не успела отвернуться — в лицо ударила струя черного дыма. Мгновенно ослепнув, она попятилась.

— Кошмар, доложи обстановку, — потребовал Фобия.

Тихо зарывав в ответ, Нова нащупала за ухом передатчик и отключила связь.

Заставив себя открыть воспаленные глаза, она увидела желтую вспышку — в следующий миг рядом с ней уже стояла Данаида. Коленом она нанесла Нове в бок удар такой силы, что та, упав на бетон, откатилась. Успев сгруппироваться, Нова мигом вскочила на ноги, стараясь не обращать внимания на боль в ребрах, смаргивая застилающую глаза пелену слез.

Что-то зацепило ее за шею у самого подбородка — трость Дымового Щита. Дернув Нову назад, он рывком подтянул ее к себе вплотную, лицом почти

касаясь ее капюшона. Богатырем парня нельзя было назвать, зато руки у него оказались крепкие, как из железа.

— Конец твоим злодеяниям, Кошмар.

Она хмыкнула.

— Ну и выражения. Ты читаешь слишком много комиксов.

Нова оцупала его руки, сжимающие концы трости, но все впустую: длинные рукава формы внахлест перекрывались перчатками, не оставив ни дюйма голой кожи.

Дымовой Щит усилил хватку.

— Ты работаешь одна?

Тем временем Красная Убийца ухитрилась поймать проволочной петлей одну из звезд и сбросить в вентиляционную шахту. Вторая звездочка бумерангом пролетела над переулком и вернулась. Красная раскрутила перед собой проволочную петлю с рубином на конце. Заставив звезду врезаться в бетон, она с силой припечатала ее кристаллом сверху, так что та больше не поднялась.

Тяжело дыша, Красная высвободила свой рубин. Раскрутив петлю над головой, как лассо, она повернулась лицом к Нове и Дымовому Щиту.

Нова нахмурилась. Столько трудов, и все впустую.

Рядом снова сформировалась Данаида, скрестив на груди руки.

— Мне кажется, Дымовой Щит задал тебе вопрос.

— Ах, простите, — огрызнулась Нова. — Я отвлеклась — мечтала о ваших похоронах.

Ухватившись за трость, она резко нагнулась и перебросила парня через голову. Дымовой Щит со стоном упал на бетон.

Вырвав у него трость, Нова ударила Данаиду по коленям, и та свалилась.

Красная Убийца метнула в Нову рубин. Проволока обвилась вокруг ее щиколотки, сбив с ног, и протащила ее по шероховатой крыше. Нова попробовала снять с ремня еще одну метательную звездочку, но не успела — Красная Убийца коленом придавила Нову к полу и выхватила кинжал из того же рубинового кристалла, что и петля. Острие кинжала уперлось Нове в шею.

— На кого, — заговорила Красная Убийца, четко выговаривая каждый слог, — ты работаешь?

Чувствуя, как кинжал упирается прямо в пульсирующую на шее вену, Нова невольно улыбнулась под маской.

— На самый страшный из твоих кошмаров, — прошептала она, нащупав пальцами голую щиколотку Красной чуть выше башмака. Она позволила энергии течь в полную силу. Лезвие ткнуло ее в шею, и за воротник потекли первые капли крови, но тут Красная Убийца закрыла глаза и, обмякнув, рухнула рядом с ней.

По крыше расползлась белая туманная дымка. Нова огляделась, но туман сгустился уже настолько, что Дымового Щита было не разглядеть. Сев, она освободила ногу от проволоки и подняла кинжал. Он был легче всех ножей, какие ей доводилось держать, и, казалось, был выточен из цельного рубина — вот только настоящий камень был бы намного тяжелее.

Непонятно, что за материал использовала Красная Убийца для своего неповторимого оружия, но — и сейчас это было для Новы самым важным — кинжал оказался очень острым.

Снова поднявшись на ноги, Нова пыталась что-то рассмотреть сквозь клубы белого, ничем не пахнущего дыма, прислушивалась, не дадут ли о себе

знать Дымовой Щит или Данаида. Казалось, туман, как вата, приглушил все ее чувства. Здесь пригодились бы инфракрасные очки. Надо будет подготовить такие к следующему разу.

Нова разглядела темное пятно — это ее сумка. Оглядевшись еще раз, она схватила сумку и бросила на плечо.

Данаида с развевающимися дредами появилась из ниоткуда и попыталась врезать Нове в челюсть. Пригнувшись, Нова плечом двинула Данаиде в живот. Отступница согнулась, и Нова ткнула перед собой рубиновым лезвием, но кинжал не встретил плоти: в ту же секунду Данаида снова рассыпалась на мириады порхающих крылышек.

Дым понемногу рассеивался, и Нова заметила у соседнего дома расшатанную пожарную лестницу. Засунув кинжал за ремень, она разбежалась и прыгнула. Ухватившись за металлический брус ограждения, она перелезла через него на пожарную лестницу. Ветхие металлические ступени жалобно заскрипели под ее весом.

Сквозь туман до нее долетел голос — это был Дымовой Щит.

— Данаида!

Нова чуть притормозила, оглянулась и увидела, что вновь возникающая Данаида зажимает порез на бедре. Серая ткань комбинезона потемнела от крови.

Закинув сумку за спину, Нова через две ступеньки припустила по лестнице вверх.

Добравшись до крыши, она не мешкая бросилась на противоположную сторону.

Она была примерно на полпути, когда снизу с улицы прыгнула темная фигура, зависнув над крышей выше футов на двадцать, не меньше. Нова остановилась, тяжело дыша в маске.



Фигура с грохотом опустилась на крышу перед ней.

На ней был не знакомый графитно-серый комбинезон, а нечто совсем другое, похожее на боевое облачение: руки и ноги защищены, на твердой оболочке очерчена каждая мышца, голова закрыта шлемом, лицевое стекло тонировано. На груди горела алая буква «О», но такого скафандра Нова не видела прежде ни у кого из Отступников.

Нова не видела глаз, но физически ощущала, как он сверлит ее взглядом. Она отступила на шаг, оглядела незнакомца с головы до ног. Нигде ни клочка обнаженной кожи, только узкие швы между армированными пластинами. Если он и был уязвим, то, скорее, для более традиционных атак.

— Ты, похоже, новичок, — произнесла она.

Он мотнул головой.

— Я здесь достаточно давно, чтобы знать, кто ты такая... Кошмар.

Пальцы Новы шарили по ремню, но сейчас у нее не было уверенности, что хоть какое-то из ее орудий сможет с ним справиться.

— Мне зарыдать от счастья?

Незнакомец не успел ответить. Эхом отражаясь от окружающих их высотных зданий, по улицам Гатлона разнесся взрыв пронзительного хохота.

Нова досадливо поморщилась.

— Что там за идиот?

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Незнакомец в армированном костюме тоже повернул голову на смех, и в этот момент снизу поднялся громадный аэростат. На шаре был изображен черно-белый арлекин, а поверх рисунка красовался символ Анархистов кислотно-зеленого цвета. В корзине аэростата оказался всего один человек — мужчина в клетчатом костюме, с копной рыжих волос, нарумяненными щеками и с темными линиями, идущими от уголков рта вниз по подбородку — грим, изображающий марионетку.

Кукловод — это был он — стоял на бортике корзины, ухватившись за канаты. Корзина под ним качалась и подпрыгивала.

— Эй, *Отсту-у-упники*, — вопил он нараспев. — Кто-нибудь хочет со мной поиграть?

Радостные крики внизу теперь звучали испуганно, а человек в корзине снова расхохотался. Протирая руку над толпой, он высунулся так далеко, что, казалось, вот-вот выпадет из корзины.

— *Абракадабра!.. У-у-у!*

Восемь сверкающих золотых нитей каскадом обрушились на толпу с кончиков его пальцев. Нова не видела, куда они попали, но была уверена, что Кукловод

постарается отыскать в толпе нескольких ребятишек. Тех, кто от прикосновения нитей-струн превратится в послушных марионеток. За все эти годы она так и не узнала, только ли на детей распространялась его власть, или они просто больше ему нравились, потому что четырехлетний карапуз с пустыми глазами — это же чертовски отвратительно, жутко.

— Осалил! — Кукловод спустился ниже. — Тебе водить!

Вопли снизу становились громче.

— Твой дружок?

Нова покосилась на незнакомца в армированном костюме.

— Я бы так не сказала.

Кукловод разразился новым взрывом хохота, в ответ незнакомец сжал кулаки. Вообще-то Нове было понятно его раздражение. Она и сама была не самой горячей почитательницей Уинстона Прэтта, причем с шестилетнего возраста ее отношение к нему не изменилось к лучшему.

Одним движением Нова перебросила сумку на грудь и пошарила в поисках стреляющей сети, которую смастерила в одиннадцать лет из игрушечной базуки. Незнакомец повернулся к ней в то самое мгновение, когда она подняла ружье и нажала на курок, выпустив в его сторону нейлоновую сеть. Восемь продольных нитей разлетелись в стороны, как щупальца осьминога. Незнакомец от неожиданности попятился и инстинктивно поднял руку, защищаясь от падающей на него сети.

Он упал на колени. Сеть опутала его, сковав движения рук и ног. Шлем вертелся из стороны в сторону в попытках освободиться, но при каждом движении хватка становилась только крепче.

— Ну, приятно было познакомиться, — сказала Нова, убирая базуку в сумку. Неторопливой рысцой

она пробежала мимо него к краю крыши, готовясь перепрыгнуть на другую.

— Мы не договорили.

Она оглянулась. Незнакомец ухватился пальцами за узлы сети, от них уже начали подниматься струйки дыма. Неожиданно сеть полыхнула огнем. Языки пламени лизали нейлон, сеть почернела и начала отваливаться целыми кусками, превращаясь в хлопья.

Не дожидаясь, пока сгорит вся сеть, он рванул дыру пальцами и выбрался из пут, оставив их тлеть на бетонной крыше.

Подойдя к краю, он пристально посмотрел на Нову.

В ответ девушка только пренебрежительно фыркнула.

— Ах-ах, до чего оригинально. Еще один огненный элементаль. Не такая уж редкость, впрочем, классику трудно критиковать.

Незнакомец опустился на колени, согнулся, и вдруг взмыл в воздух, прямо у Новы над головой. Она проследила глазами за его полетом — описав дугу, он опустился на соседнюю крышу у нее за спиной. Хотя посадка была мягкой, крыша все равно содрогнулась под тяжестью его брони.

У Новы вытянулось лицо.

Огненный элементаль в шикарном антигравитационном костюме... или Одаренный, наделенный поразительной скоростью и силой, который попутно может еще и предметы жечь... или это супергерой с разнообразными способностями. Она и не догадывалась раньше, что такое возможно.

Над головой скользнула тень — туча бабочек-данаид медленно уплотнялась, превращаясь в девушку.

Пока Данаида обретала форму, Нова переводила взгляд с нее на незнакомца. Она очутилась между ними, как в ловушке.

Ловушки ей не нравились.

Данаида хмуро взглянула на незнакомца в броне. Нога выше колена у нее была кое-как перевязана куском серой ткани от форменного костюма.

— Кто ты такой?

Тот ответил не сразу, а когда заговорил, Нова могла бы поклясться, что он понизил голос и напустил на себя вид этакого праведника.

— Я Страж.

Нова засмеялась.

— Серьезно?

Страж настороженно повернул к ней голову, и ей показалось, что грудь у него расправилась.

— Друг? — кивнув в его сторону, спросила Данаида у Новы.

Девушка крепче ухватилась за ручки сумки.

— Я не настолько дружелюбна. Да и вообще, на нем же *ваш* фирменный знак.

Данаида, щурясь, уставилась на красную букву «О» на груди Стража.

Насладившись растерянностью Данаиды, Нова метнула сумку в голову Стражу, а сама бросилась на нее с красным кинжалом. Она целилась в живот, но не попала, а навстречу взметнулся вихрь из бабочек. Взревев от негодования, Нова снова и снова рубила перед собой кинжалом, но в конце концов только и смогла, что рассечь пополам одну-единственную бабочку.

Разочарованно вздохнув, она смотрела на легкое пятнышко пыльцы, оставшееся на лезвии.

Кто-то обхватил ее двумя руками, прижал локти к бокам. Дымовой Щит тоже был силен, но этот парень — стальной!

А может, все дело в его костюме...

Стиснув зубы, Нова с силой лягнула Стража. Тот взвыл и, задев ногой идущие вдоль края крыши низкие перила, споткнулся. Нову он при этом так и не выпустил.

Нова ударила еще раз, и они вместе перевалились через бортик. На миг они повисли в воздухе, по-прежнему составляя единое целое.

Падение на соседнюю, более низкую крышу сопровождалось ударом, который отозвался у Новы в каждой косточке. Под ними что-то с треском разбилось.

Превозмогая боль, она откатилась от Стража, разжавшего, наконец, свои объятия, и, дрожа, скорчилась на каком-то коврикe, точнее, на соломенной циновке. Девушка огляделась. Они попали в крохотный садик на крыше, с плетеной мебелью и растениями в горшках — одно из них, раздавленное, и лежало сейчас под Стражем. У стены, с которой они только что свалились, журчал фонтанчик.

Нова поискала глазами аэростат Кукловода. Стены домов на авеню ритмично вспыхивали, освещенные мигающими красными лампами. Видно, Черный Огонь старается сбить с толку Кукловода, а может, Гром-птица пускает световые стрелы, пытаясь сбить аэростат... или оглушить током злодея. Или то и другое вместе.

Вернулись бабочки, закружили над головой темным облачком. Страж перевернулся на бок и попытался встать.

— Приветик, Страж, — подала голос Нова, крепче сжав рукоять кинжала.

Он взглянул на нее снизу.

Она воткнула нож в небольшой зазор между пластинами на груди и плече.

Страж со стоном оттолкнул ее. Неловко изогнувшись, он уперся одной ладонью в пол, а вторая вдруг запылала, охваченная оранжевыми языками огня. Он развернул горящую руку к Нове.

Нова пригнулась, глубже натянула капюшон. На спине ей обрушился поток пламени. Она *знала*, что

сделать материал костюма огнеупорным — хорошая идея.

Дикий крик боли чуть не оглушил ее.

Выглянув из-под капюшона, Нова увидела, как бабочки снова уплотняются в тело Данаиды. Множество золотистых насекомых сгорело в языках пламени, и левый бок девушки, от ребер до бедра покрывали хлопья пепла. Форменный костюм на ней почернел и курился дымом, а в воздухе стоял жуткий запах паленой плоти.

Лязгнула и заскрипела пожарная лестница на боковой стене здания. Цепляясь своей тростью за край крыши, снизу появился Дымовой Щит. Тяжело дыша, он подтянулся и взобрался на крышу. Его темные волосы прилипли ко лбу. При виде происходящего он вытаращил глаза.

— Данаида?

У ног Новы что-то звякнуло. Рубиновый кинжал с лезвием, темным от крови.

Нова не стала оглядываться, а просто побежала. Вскочив на бортик журчащего каменного фонтана, она ловко забралась обратно на крышу, с которой падала. За спиной раздавались отрывистые команды — это Страж велел Дымовому Щиту помочь Данаиде, и полный недоверия голос Дымового Щита, который повторял: «Чтоб тебя, да кто ты такой, вообще?»

В небе снова показалась корзина Кукловода.

— Лови! — закричала Нова.

Кукловод увидел ее, но и не подумал поймать сумку, которую Нова швырнула в корзину.

— Добрый день, Кошмарик, — сказал Уинстон. — Какой очаровательный сюрприз. А я как раз выбрался, решил немного... полетать.

Откинув голову, он залился веселым смехом. Полосы кукольного грима придавали его лицу еще более жуткий вид.

Руки его до сих пор были простерты над толпой, золотые нити-паутинки играли, забавлялись с беспомощными детьми внизу. Выглянув вниз, Нова заметила девочку с косичками — та вгрызлась в ногу седого мужчины, может быть, собственного деда.

Поморщившись, Нова встала на краю крыши.

— Кинь мне веревку.

Кукловод замолчал и уставился на нее пустыми, ничего не выражающими глазами.

— А за тобой хвост.

Ее схватили за локоть, рывком развернули. Страж, сомкнув руки на ее горле, надавил, так что она отклонилась назад, но крепко держал, не давая ей упасть на улицу.

— Ты пыталась убить Капитана Хрома, — прогремел его голос. — Почему? Кто тебя подговорил? Что еще они замышляют?

В прорези его шлема не было видно ничего, кроме черной ткани, но голос звучал гневно. Нове показалось, что она чувствует жар огня, исходящего от его перчаток.

— Вы, Отступники, задаете много вопросов, — огрызнулась она. В глазах замелькали белые точки.

Страж наклонился почти вплотную к ней, так что его шлем и ее маска чуть не соприкоснулись.

— Лучше начинай на них отвечать.

— Думаешь, я испугаюсь какого-то дилетанта, выскочки в навороченном костюмчике?

Железная хватка явно стала слабее, совсем чуть-чуть.

— Дилетанта?

— Это значит любитель. Ты явно новичок в этой игре.

— Я знаю, что это... — Страж раздраженно фыркнул. — Знаешь, мне безразлично, боишься ты ме-



ня или нет, но я хочу проверить, боишься ли ты хоть немного смерти, как все остальные.

Захват снова стал жестким, и Нова ощутила, что ее подталкивают к краю. Движение было чуть заметным, но ей этого хватило, чтобы почувствовать, как смещается центр тяжести, как ее тянет к себе земля.

Поборов желание закричать, она выдавила смешок — больше похожий на поскуливание.

— Знаешь, как говорят: «Не станет смелым тот, кому неведом страх».

Он подался назад, как будто мысль поразила его. Улучив момент, Нова сделала движение вперед — она прижала руку к его груди, просунула пальцы в дыру на ткани там, где ее разрезал кинжал. Кожа была горячая и липкая от крови — вот и все, что ей было нужно. Плоть, ткань и удары сердца под ней.

— Ты что сейчас...

Она направила в него свою энергию, кувалдой ему в грудь.

У него перехватило дыхание, на миг он замер, не двигаясь. Потом хватка на ее шее ослабела. С криком Нова ухватилась за его запястье, подтянулась, восстанавливая равновесие — а он упал на спину, тяжело, с хрустом, будто ломая кости.

Сердце выскакивало у Новы из груди. Она глядела на Стража, все еще чувствуя тошноту, как в ту минуту, когда она испугалась, что падает вниз.

— *Коооошмааар...*

Растирая шею, Нова обернулась как раз вовремя, чтобы ухватиться за золотые нити, брошенные ей Кукловодом. Она держалась из последних сил, хотя ноги начали подкашиваться. Намотав нити на запястье, она прыгнула и закачалась над улицей. Люди бежали в разные стороны, а одна из платформ врезалась боком в парикмахерский салон.

Подтягиваясь по нитям, она добралась до корзины и, перевалившись через борт, тяжело свалилась на дно.

— Спасибо, Уинстон.

Кукловод не ответил — он снова был поглощен своими марионетками, его безумный смех перекрывал гуденье газовой горелки.

Немного отдышавшись, Нова заставила себя встать, цепляясь за борт корзины.

Внизу на улице царил хаос. На мостовой валялись тончайшие нити Кукловода. Некоторые все еще обвивали шеи и руки детей. Но многие марионетки уже отслужили, и их тела в неестественных позах лежали под стенами домов и посреди мостовой. Среди зевак были раненые, истекая кровью, они пытались отползти в безопасное место. Четверо детей с петлями на шеях оставались во власти Уинстона — они били витрины инструментами, которые в панике побросали оркестранты, крушили платформы и закидывали едой с лотков членов Совета, которые пытались остановить их, не причинив вреда.

Укротитель Ужаса, разумеется, стал невидимым, а Цунами упорно пыталась захватить детей-марионеток пенистой приливной волной — да только зачарованным ребятишкам, казалось, не было никакого дела до того, что они могут утонуть в толще воды.

Нова поискала Капитана Хрома, но в толчее и суматохе его нигде не было видно.

Все это время над городом разносился трескучий смех Уинстона. Судя по его ликованию, он откровенно развлекался происходящим.

Нова поднесла к уху руку и включила передатчик.

— Кошмар на связи. Детонатор, Фобия, где вы?

Голос Фобии прозвучал бесстрастно и ровно.

— Где ты находишься?

Нова оглянулась на крышу, от которой аэростат отплыл примерно на полквартиры, но ни Отступников, ни Стража видно уже не было.

— Я завела новых друзей, — ответила она.

Ее отвлек шум сверху — в голубом небе появились черные крылья Гром-птицы. Ее лицо было перекошено от ярости, в руке потрескивала светящаяся белым молния.

Нова выругалась.

— О, птичка-невеличка, привет! — захихикал Уинстон.

Гром-птица подняла свободную руку и направила ладонью на его шар. Раздался хлопок, и аэростат отбросило назад. Корзина врезалась в стену дома. Нова, не устояв на ногах, снова упала на дно.

Уинстон ловко поднялся, держась одной рукой за канат и продолжая шевелить золотистыми нитями, заставляя детей внизу делать что-то по его воле — как знать, что именно?

— Ай-яй-яй, — заговорил он, подражая ребенку. — Толкаться невежливо. Ты должна попросить прощения.

— Отпусти детей, сейчас же, — пророкотала Гром-птица, заноса над головой руку с белой молнией.

Торопливо открыв свою сумку, Нова выхватила базуку с сетью. Затаив дыхание, она подползла к борту, приладила на него базуку и выстрелила.

Вокруг тела Гром-птицы обвились веревки. Когда сеть намоталась ей на левое крыло, она удивленно вскрикнула. Стрела молнии, коснувшись сети, подожгла веревку, и вся сеть, потрескивая, вспыхнула.

Гром-птица закричала.

Потом стала падать, падать. На улицу, на мостовую...

Прямо в объятия бдительного Капитана Хрома.

Он поставил свою соратницу на ноги и поднял вверх синие глаза. На его лице больше не было

улыбки. Сейчас он был не так похож на разрекламированного сверх меры придурка на идиотском празднике.

Когда их глаза встретились, Нова стало не по себе.

— Что происходит внизу, Детонатор? — спросила она. — Нам может понадобится помощь.

— Участие Кукловода в операции не планировалось, — послышался сухой ответ. — Если он желает действовать как хочет, пусть и умирает как хочет.

В это время внизу под ними Капитан схватил металлическую пику, с которой щеголял на параде. Нова видела, что он сбросил с ее верхушки шлем Аса Анархии и отшвырнул его прочь. Шлем покатылся по мостовой и застрял в водостоке.

— Здесь не только Кукловод. Я тоже здесь, наверху!

— Удачи, Кошмар! Операция закончена.

В наушнике раздался тихий треск, и все смолкло окончательно.

Капитан Хром занес пику над головой, как копьё, и метнул.

Хотя аэростат находился на высоте в сотни футов, пика, не отклоняясь, летела прямо на него.

Нова присела.

Пика угодила в горелку и с оглушительным скрежетом пробила трубку подачи газа. Вспышка — пламя вырвалось из горелки. Пика рикошетом отлетела от металла и упала на улицу.

Результат удара не заставил себя ждать. Хотя аэростат еще продолжал двигаться по инерции, он стремительно терял высоту.

Нова лихорадочно осматривалась. До удара у них был шанс долететь до тех зданий, что впереди, но теперь все изменилось, и она сомневалась, что шар дотянет. Воздух в шаре больше не подогревался,

скоро они начнут падать, врежутся во что-нибудь, попадут прямо в руки Отступников.

Уинстон, нагнув голову, посмотрел прямо на Нову.  
— Опаньки.

Нова выдержала взгляд, она думала, прикидывала.

Если сбросить с борта лишний вес, еще можно попытаться долететь до соседнего квартала. Так они смогли бы выиграть время и попытаться улизнуть, пока не подспеют Отступники.

На глаза попалась сумка — все ее разработки, оружие. Все ее старания. Вся многолетняя работа.

Уинстон сочувственно вздохнул.

— Иногда приходится чем-то жертвовать, маленькая Анархистка.

— Ты совершенно прав, — вздохнула Нова.

И, обхватив рукой лодыжки Уинстона, резко дернула. Вскрикнув, он нелепо замахал руками и перевалился через борт.

Не дожидаясь, пока внизу стихнут его вопли, Нова вскочила и бросилась к нагревателю. Шар чуть приподнялся над крышами, давая ей совсем немного времени — его как разхватило ей, чтобы восстановить подачу газа. Она подергала зажигание, и наконец огонь снова вспыхнул.

Аэростат взмыл в воздух.

Нова облегченно вздохнула и лишь теперь позволила себе посмотреть вниз.

Кукловод упал на карнавальную платформу и утонул в конфетти и цветах, а Капитан Хром стягивал его вниз.

Уинстон не противился. Он не сводил глаз с Новы, на лице играла все та же безумная ухмылка.

Нова подняла руку и помахала ему.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Адриан пришел в себя с ощущением, что голова у него набита ватой. Со стоном он попробовал перевернуться на другой бок, и только тогда понял, что на нем до сих пор облегающий тело бронированный костюм. Твердые пластины брони больно впивались в спину.

Все тело ныло, но хуже всего дело обстояло с плечом. Липкое от крови, оно горело и пульсировало.

Не верилось, что эта девица сумела его ранить. Адриан и сам не мог понять, почему это его так удивляло, разве что... Одаренные так не сражаются. Они используют свои сверхъестественные способности, а его вероломно трахнули по башке.

Надо будет обдумать. Эта девица не следовала правилам, как все остальные.

Но, сообразил он тут же, это касалось и его самого. С некоторых пор. С тех пор, как он стал Стражем.

Ему удалось сесть. До ночи было далеко, но небо уже темнело, и на крышу напоззли длинные тени соседних домов. Похоже, он провалялся без сознания часов пять-шесть. Повезло еще, что все произошло именно здесь, в таком месте, где его никто не обнаружил. Несмотря на это Адриану стало не по

себе при мысли, что он так долго провалился здесь в жалком, беспомощном состоянии.

Жалкий, беспомощный и бесполезный.

Почему Оскар не отправился его искать?

Нет — это дурацкий вопрос. С чего бы он стал это делать? Оскар же не знал, что под броней Стража скрывается Адриан, к тому же... Данна ранена, и Руби, кажется, тоже. У Оскара и без него было дел по горло. Им пришлось отправляться напрямик в штаб. Скорей всего, они и сейчас еще там.

Адриан осмотрелся, убедился, что никто из соседних окон за ним не наблюдает, и надавил пальцами на центральный грудной щиток.

Броня звякнула и с тихим шипением начала складываться, словно оригами, и ужиматься до тех пор, пока весь скафандр не стал величиной с расплюснутую алюминиевую банку. Адриан вдавил его в кожу над грудиной и провел пальцем по татуировке в виде застежки-молнии, которую сам себе наколол примерно месяц назад.

Он начал застегивать рубашку, но взвыл от резкой боли в плече и посмотрел вниз. На рубашке красовалась прореха, и, хотя благодаря броне, прижавшей рану, кровотечение немного замедлилось, даже на первый взгляд было понятно, что он потерял немало крови. Весь бок промок, а в тех местах, где кровь засохла, ткань рубашки казалась черной. Адриан не мог понять, почему его сознание отключилось так резко — ранение тому виной, или это Кошмар его вырубил.

Скорее всего, и то, и другое вместе.

Ругая ее на чем свет стоит, он понемногу отдирает ткань от кожи, а потом, проклиная уже себя самого, стянул рубашку через голову.

На вооружении у этой девчонки всего-то и есть, что набор каких-то устаревших гаджетов и сила,

срабатывающая только при телесном контакте. Как же она с ним справилась?

Адриан поморщился, вспомнив свои жалкие попытки сохранить достоинство. Кого он пытается обмануть? Он недооценил противника, а делать этого не стоило. Соперница оказалась сильной. Умной. А своими примитивными гаджетами пользовалась очень даже эффективно — он в этом убедился на собственной шкуре.

Тряхнув головой, он сперва криво усмехнулся, а потом от души рассмеялся — да, над самим собой, ну и что?

Вот вам и известный на весь город супергерой.

— Еще встретимся, — шепнул он себе под нос. Дал зарок.

Он будет упорно тренироваться. Усовершенствует костюм. И они *обязательно* встретятся.

Вынув из заднего кармана джинсов маркер, Адриан набросал водопроводный кран на бетонной стенке и придал рисунку объем. Повернул вентиль, и из крана полилась холодная вода.

Смочив чистую половинку рубашки, он как мог смыл засохшую кровь. Рана, когда ее промыли, оказалась не такой уж страшной. Сердце все еще билось, рука действовала, следовательно, никаких серьезных повреждений нет.

Тщательно осмотрев рану, Адриан приложил к коже кончик маркера и, соединив края разреза, изобразил несколько швов. Закрыв фломастер, он сунул его в карман, остановил воду и, сев на пол, начал водить пальцем по татуировке на левом предплечье. Уверенные черные линии изображали языки огня, края их сливались со смуглой кожей.

Манипуляции с огнем. Может быть, такая способность встречается нередко, но все равно ценится среди Одаренных очень и очень высоко. Адриан



был уверен, что эта способность, плюс армированный костюм и пружины, которые он вытатуировал себе на подошвах, сделают его неуязвимым и позволят с кем угодно справиться, кого угодно покорить.

Но Кошмар — она и бровью не повела!

Даже хуже. Она над ним смеялась.

Зарычав, он поднялся на ноги и набрался мужества посмотреть вниз на улицу, где утром проходило праздничное шествие. На смену веселью пришло мрачное затишье. С мостовых выметали конфетти, обертки от еды и битое стекло. Во время нападения Кукловода были поломаны платформы, а лотки уличных торговцев разграблены.

Кошмар просила Кукловода бросить ей веревку. Они работали вместе? Она из Анархистов?

Вообще в этом, кажется, был смысл. Анархисты — одна из немногих бандитских шаяк, которая за последние десять лет не исчезла полностью. Они больше других ненавидели Отступников, особенно Совет.

Так ведь она здесь именно потому и оказалась, так? Ее целью был Совет. Ее целью был Капитан.

Адриан поправил очки на переносице. Внизу на улице маленькую девочку выволакивали из-под туристического автобуса, где она пряталась весь день. Девчушка истерически рыдала. Даже отсюда сверху Адриан разглядел у нее на шее золотистую петлю. Что же Кукловод заставлял ее делать, мелькнула у него мысль.

На скулах заходили желваки.

Большинство Анархистов были давно и хорошо известны. Уинстон Прэтт. Ингрид Томпсон. Хани Харпер. Лерой Флинн.

Но *Кошмар*... это было что-то новое. Тайна. И угроза.

Стоило Адриану закрыть глаза, и он увидел ее — лицо скрыто капюшоном, из глубокой тени лишь

чуть поблескивают глаза. Без эмоций. Без жалости. Без *страха*, хотя она и произнесла эти слова — те самые слова, которые годами его преследовали. Даже сейчас он не мог поверить, что она их произнесла. Что это ему не привиделось в бредовом сне, пока он лежал тут без сознания.

*Нельзя стать смелым, если не узнаешь страха.*

Он прерывисто вздохнул. Нет ему не приснилось. Она так и сказала.

Это не могло быть совпадением.

— Кошмар, — прошептал он, как будто в первый раз назвал ее по имени, и это имя что-то для него значило. Она больше не была для него просто очередной преступницей, которую необходимо остановить. Или вредителем, от которого предстоит избавиться городу. Теперь она стала для Адриана человеком, который мог знать ответы.

— Кто же ты?

\* \* \*

К тому времени, как Адриан добрался до Штаба Отступников, в голове у него окончательно прояснилось. Он нарисовал себе новую рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть татуировки. Грудь и плечо все еще болели, даже от прикосновения тонкой ткани.

Войдя в дверь-вертушку главного входа, Адриан остановился на площадке, выходящей в просторный холл, в центре которого на полу была инкрустация в виде огромной буквы «О». Здесь всегда было многолюдно, вечно стоял гул голосов и был слышен топот тяжелых башмаков. Красно-серые комбинезоны Отступников и халаты медиков смешивались со строгими костюмами служащих администрации. Люди сновали по разным отделам, собирались группами, всматривались в висящие вдоль стен экраны,

где снова и снова воспроизводились сцены нападения Кукловода.

Хью и Саймон иногда шутили по поводу того, что все началось в подвале у Укротителя Ужаса. Тогда они были подростками — друзья с детства, оба наделены сверхъестественными способностями, оба не могли больше сидеть сложа руки, глядя, во что Анархисты и преступники превратили их город. И вот однажды ночью они решили, что с этим нужно что-то делать.

Их вылазки становились все более дерзкими и заметными, и вскоре к их команде присоединились еще четверо Одаренных: Касуми, Эвандр, Тамайя и мать самого Адриана, Джорджия Ролс. Несравненная Леди Неукротимая.

Название, с которым они вошли в историю, дал им Эвандр. *Отступники*. В то время, насколько знал Адриан, у них не было ни денег, ни штаба, ни влияния. Ничего, кроме отчаянной решимости изменить мир к лучшему. Добиваясь этого, они питались дешевой лапшой в брикетах и сыром, одевались в дешевую одежду, которую шили сами, и поочередно ночевали друг у друга на поеденных молью кушетках.

Эта шестерка первых до сих пор считалась основной группой, с которой начались Отступники. Но их число постоянно росло: все новые молодые люди присоединялись к ним, все больше Одаренных осмеливались выступить против негодяев, разрушивших их мир.

Глядя на то, каким стал штаб сегодня, было трудно представить себе, что все это началось в подвале, много-много лет назад. Пара тинэйджеров и желание изменить мир к лучшему.

А теперь — вот это. Восемьдесят два этажа и восемь подземных уровней для эффективного правительства и правоохранительных органов.

Ладно, вообще-то бóльшая часть этажей пока пустовала, но Хью часто говорил, что они еще понадобятся, когда придет время расширяться. Изначально башню строили как офисное здание для какого-то международного банка или чего-то такого же скучного. Но сейчас все здесь было оборудовано новейшими достижениями технологии, включая симуляторы виртуальной реальности, где Отступники могли проводить физические и психологические тренировки, моделируя самые разнообразные ситуации. Был здесь также превосходный арсенал, где за несколькими уровнями непреодолимой защиты хранилось оружие. Целый этаж занимало хранилище сверхмощных инструментов и артефактов. На двух этажах занимались исключительно безопасностью города и расследованиями нарушений порядка. Информационный центр, в котором всегда толпились люди; камеры для задержанных Одаренных правонарушителей, слишком опасных, чтобы отправлять их в обычную городскую тюрьму; зоны отдыха для не занятых на службе Отступников; исследовательские лаборатории; медицинское крыло с полным набором услуг, а на самом верхнем этаже — их главная гордость — Зал Совета, где Совет принимал законы, издавал указы, направленные на укрепление общества, избавленного ими от анархии, и на защиту мира от нового крушения.

Совет действовал так, будто общество могло двигаться только в одном направлении — вперед, все дальше уходя от жутких лет хаоса и преступности, но иногда Адриану казалось, что установленный Отступниками порядок держится на куда более шатком основании, чем они хотели бы признать.

Расправив плечи, Адриан стал спускаться по серой лестнице на первый этаж, прямо к лифту, на котором можно было попасть в медицинское кры-

ло. На настенных экранах появилась Кошмар, она махала толпе из корзины аэростата, лицо было затенено капюшоном.

При виде ее в Адриане с новой силой вспыхнула решимость. Он снова начал прокручивать в памяти мгновение, когда эта девица пырнула его ножом, точнее, кинжалом Руби — ни больше, ни меньше. Он потерял контроль. Он метнул сгусток огня, целясь в нее, но был ослеплен яростью и совсем не подумал, что у нее за спиной может стоять еще кто-то.

Она обозвала его дилетантом и была права. Это была ошибка, недостойная профессионала.

Едва услышав крик Данаиды, он сразу понял, что девушка серьезно ранена. А причиной тому его неосторожность — и Кошмар была ни при чем, как ни хотелось ему обвинить во всем ее. Языки пламени вылетели с его ладоней, сработала сила, с действием которой он даже не успел еще толком разобратся. Он вел себя, как надутый болван, и Данна пострадала из-за него.

В медицинском крыле Адриан заметил в окне первого кабинета Тамайю Раи. Гром-птица сидела на краю кровати, пока целитель обрабатывал ее черное оперенное крыло. Она была в ярости, сквозь стекло доносились выкрики, Адриан различил слова *Кукловод*, *воздушный шар* и *какая-то жалкая рыболовная сеть!*

Данну он нашел в третьей палате. Она была без сознания. Большие лоскуты униформы были срезаны, в прорехах виднелись обширные ожоги на левой руке и на боку. Рот и нос закрывала маска — видимо, ей обрабатывали легкие специальным эликсиром, удерживающим от трансформации: такое могло случиться, если бы ее мозг в бессознательном состоянии вошел в режим «бей или беги». Однажды

Данна рассказывала им, что в детстве с ней частенько бывало такое, когда снились кошмары.

*Кошмары.*

Какая ирония судьбы.

У Адриана упало сердце. Во время боя у него не было времени остановиться и разглядеть, сильно ли он ее обжег. Сейчас он пришел в ужас и согнулся под гнетом вины за то, что сотворил.

Оскар и Руби тоже были здесь, сидели в углу на скамейке. Руби положила голову Оскару на плечо, и на секунду Адриану показалось, что она спит, но она тут же широко открыла глаза. Увидев Адриана, она села ровнее. По лицу Оскара пробежала мимолетная тень недовольства, но исчезла так быстро, что Адриан даже засомневался, не показалось ли ему.

— Ах, вот *теперь* он явился, — заговорил Оскар, вставая. — Парень, где тебя носило?

— Прости, — извинился Адриан совершенно искренне. — Я получил твоё сообщение и несся к вам, ребята, но вдруг откуда ни возьмись появился Куковод, и я начал спасать детей. Их там оказалось больше сотни, приехали на экскурсию. Суматоха, хаос. — Он незаметно потерял через рубашку большое плечо, удивляясь, как легко у него получилось соврать. — Но все равно, я должен был быть там, с вами. Мне очень жаль. Что с Данной?

Оскар вздохнул.

— Сильно обгорела в бою.

Данна испустила протяжный стон. Висящий на стене аппарат запищал быстрее, но уже через секунду вернулся к прежнему равномерному ритму. Адриан подошел ближе и, сделав над собой усилие, приподнял один из холодных компрессов, закрывающих ожоги. Это было нелегко — заставить себя подойти и увидеть, какие повреждения он нанес боевому товарищу.

Сильно ли она мучилась от боли? Или сразу потеряла сознание и впала в шок? Опустив компресс на рану, Адриан через рукав потер татуировку с языками огня. Конечно, его рана уже несколько недель как зажила, но он представил на миг, что бы почувствовал, будь это живое пламя, как бы оно жгло ему кожу.

Он повернулся к Оскару и Руби.

— Ее уже осмотрели?

Оскар кивнул.

— Ага. Говорят, все будет нормально, но это займет какое-то время. Плохо дело.

— Да уж. Во время дежурств мы без Данной, как без глаз, — согласился Адриан, почесав затылок. — Без нее будет намного труднее.

— И вот что странно, — сказала Руби, — Кошмар не приложила к этому руки. Это сотворил (и, указав на Данну, она изобразила в воздухе кавычки) некий «Страж».

Адриан вздрогнул, такая злоба была в ее голосе. Если ему и хотелось открыться, рассказать команде, что это он был с ними на крыше в тот день, сейчас это желание испарилось.

— Кто?

— Какой-то тип, оказался там в разгар сражения, — отозвался Оскар. — Вроде как Кошмар с ним не заодно, он выступил против нее. На костюме у него была буква «О», как у нас, но... — Оскар развел руками. — Никто из нас раньше его не видал.

Адриан непонимающе нахмурился.

— Страж?

— Так его называла Данаида, пока ей не дали наркоз. По-моему, он огненный элементаль... Но точно не Дикая Огонь, — закончил Оскар.

Дикая Огонь был на сегодняшний день единственным огненным элементом среди Отступ-

ников, по крайней мере, в зоне Гатлона. Именно во время совместных тренировок с ним у Адриана и появилась мысль манипулировать с огнем.

Руби зевнула.

— Мне кажется, что он и не тот Одаренный с Островов. Помните, тренировался здесь в прошлом году? Магма, кажется? Этот тип, Страж, был в броне с головы до пят. Кто-то из наших успел его щелкнуть с улицы, фото уже всем показывают, пытаются понять, может кто-то что-то знает.

— Он еще и прыгает потрясно, — добавил Оскар, — а этот его костюмчик, как будто прямиком из книги комиксов. Честно говоря, я думаю, что это кто-то из отдела исследований и разработок — типа, испытывают нового суперсолдата, но проект так засекречен, что они не могут это признать.

Руби, ахнув, подалась вперед, как будто ей внезапно пришла в голову разгадка тайны.

— А что если это злодей, переодетый Отступником. Может, он пытается нас очернить в глазах людей. Возможно даже, это часть целого заговора, цель которого наше полное уничтожение!

Адриан и Оскар воззрились на нее.

Руби пожала плечами.

— Ну, а вдруг, мало ли?

— Всякое бывает, — согласился Оскар.

Руби повалилась на скамейку и в изнеможении прикрыла глаза рукой, словно этот выплеск эмоций отнял у нее последние силы. Камень цвета крови у нее на запястье отражал свет лампы и бросал розовый отсвет на щеку девушки.

— Это моя теория, и я буду придерживаться ее.

— Но сперва Кошмар и он долго дрались, — возразил Оскар, — и только потом он атаковал Данаиду. А может, это была ошибка. Как знать.



— Еще кто-нибудь пострадал? — поинтересовался Адриан.

— Не-а, — в голосе Руби мелькнула нотка неуверенности. — Все целы.

— Кошмар и ей тоже вломила, — пояснил Оскар. — Погрузила Руби в сон.

Протянув руку, он погладил девушку по голове. Адриан не мог припомнить за Оскаром таких деликатных жестов, а уж Оскару деликатности было не занимать.

— Ябеда, — проворчала Руби, отпихнув его руку. — Если кому-то интересно, я и сейчас чувствую себя так, как будто голову залили цементом.

Адриан дернулся было сказать, что это ощущение ему знакомо, но подавил порыв.

— За год Кошмар уже четвертый раз вступает в контакт с нашей командой. Не может же она работать одна.

— Она сбежала на аэростате Кукловода, — высказался Оскар. — Может, она из новых Анархистов.

— Но, — Руби подняла палец в воздух, — она выкинула Кукловода за борт. Это не сильно смахивает на дружеское приветствие.

— Ну, это же в их стиле, кажется? — спросил Адриан. — Даже если они заодно, все равно для них нормально, чтобы сильные шли к цели, перешагивая через слабых.

Оскар пожал плечами.

— По-моему, это полная ерунда, но ведь они преступники. Откуда нам знать, что у них в голове?

— Есть и хорошая новость, — открывая глаза, сказала Руби с озорной улыбкой. — Кошмар осталась без ружья, я его захватила.

Адриан поднял брови.

— Оружие забрали наверх на исследование, — добавил Оскар. — Она стреляла из него в капита-

на, чуть не попала в глаз. Пуля-дротик сейчас тоже в лаборатории. Может, удастся выяснить, откуда она взялась.

Адриан отвернулся. Он не мог представить, какую информацию можно выудить, осматривая оружие и пулю, но это хоть какая-то зацепка. Начало.

В то утро он думал только о демонстрации способностей Стража. С восторгом предвкушал, как покажет всем, на что способен в этом образе. Фантазировал, как снимет шлем Стража и откроет лицо перед своей командой, а потом и перед всеми Отступниками.

Но сейчас все это его не волновало. Одна фраза, которую произнесла Кошмар, изменила все.

Он должен выяснить, кто она такая. Должен узнать, что ей известно.

Он должен ее найти.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

**А**дриана мучила неясная тревога. Раненую Громптицу доставили сюда несколько часов назад, но остальные члены Совета до сих пор не вернулись в штаб. Если бы кто-то пострадал, это уже стало бы известно, значит, все в порядке. Может, ему просто не терпится узнать, что они слышали о Страже. Что думают о нем. Вдруг они его раскусили.

Он еще походил по медицинскому крылу и навещал пострадавших в стычке с Кукловодом, прежде чем подняться к Максусу, который, как всегда, чувствовал себя отрезанным от мира.

Карантин Макса размещался в подвесном стеклянном коридоре, устроенном над основным этажом вестибюля. Пожалуй, это было самое роскошное помещение во всем доме — практически апартаменты класса люкс: панорамные, во всю стену, окна открывали вид на реку, от которого захватывало дух. По последнему слову были оборудованы и помещения, скрытые от любопытных глаз — образцовая спальня и ванная, в которой имелось даже джакузи. Впрочем, Адриану казалось, что Макс не так уж часто всем этим пользуется. Макс вообще почти все время проводил в главном отсеке своего

жилища. Он постоянно возился со своим стеклянным городом, методично, шаг за шагом продолжая строить его все эти четыре года.

Настоящее чудо, он уже почти полностью покрывал пол в круглой комнате. Почти точная копия Гатлона, полностью построенная из прозрачного, сверкающего стекла.

Подходя к карантину, Адриан заметил Макса, сидящего со скрещенными ногами в центре макета Городского парка — на одном из немногих клочков пустого пространства, где он еще помещался. Взгляд его был прикован к мониторам за пределами карантина, по которым непрерывно крутили видеоматериалы праздничного шествия. В пальцах он вертел стеклянную фигурку, одну из тех, что Адриан сделал для него несколько лет назад — повозка с упряжкой лошадей, вроде тех, на которых катали в парке туристов.

Все началось с игры. Когда Макса поместили в этот карантин, он был совсем карапузом, и Адриан старался, как мог, чтобы ребенку было там уютно. Заметив, что Макс любит строить из подаренных Капитаном кубиков, он начал сам делать для него блоки разной формы, рисуя их маркером на стекле и воплощая на стороне Макса.

Став старше, Макс начал делать заказы. Он просил делать ему блоки с высокими шпильями и куполами или тросы, с которыми он смог бы построить мост. Раньше, чем Адриан догадался, что задумал малыш, он увидел знакомый городской силуэт.

Сейчас Максу минуло десять лет, и миниатюрный город был почти завершен, однако, как и настоящий город, он постоянно менялся. Мальчик сносил здания, перестраивал, корректировал и обновлял, стремясь сделать его максимально похожим на реальный Гатлон — город, о котором он мог только мечтать.

Заметив приближение Адриана, Макс схватил альбом для рисования и поднял, чтобы было лучше видно. Очень старательно он изобразил на нем платформу, на которой Совет участвовал в параде.

— Можешь сделать вот это? — из-за стекла голос Макса звучал приглушенно.

— Вот так сразу? А где же «привет»? Где «как я рад, что тебя не укололи психованные злодеи»? Макс опустил альбом.

— Новости передают весь день, все больше про Гром-птицу, хотя я знаю, что Данаида и еще несколько тоже были ранены. Еще каждые несколько минут в новостях объявляют о пострадавших среди населения, — после паузы он добавил, поясняя: — Очевидно, я уже был бы в курсе, если бы ты пострадал.

Хмыкнув, Адриан сел на пол.

— В таком случае, да, я могу это сделать. Но не нужно, чтобы из тучи вылетали настоящие молнии. Здесь лучше подключить воображение. Хочешь, сделаю еще и уличных торговцев?

У Макса загорелись глаза.

— Да! И платформу со злодеями. И марширующий оркестр?

— Я что, похож на фабрику по производству статуэток?

Адриан вооружился фломастером и начал набрасывать на стеклянной стене платформу во всех деталях, которые ему запомнились. Правда, он пропустил момент ее появления, потому что как раз чинил девушке браслет.

Он замер, не закончив рисунок.

Столько всего случилось в этот день, что он чуть не забыл об этой девушке и о том, как она смотрела на Адриана за работой: не как на чудо, каких она в жизни не видывала. Нет, она как будто пыталась

понять, не мошенник ли он и не нужно ли ей уносить ноги.

Вообще-то, в последнее время город был буквально наводнен Одаренными. Раньше сверхъестественные способности были людям в новинку, но, должно быть, очарование новизны улетучилось.

Адриан закончил рисовать платформу, добавив снизу колеса, чтобы Макс, если захочет, мог возить ее по улицам.

— Ну вот, — сказал он и, прижав ладонь к рисунку, направил силу на стекло.

Рисунок проник на другую сторону окна. Кристально-прозрачная модель платформы, да еще и с вращающимися колесиками.

Сама стеклянная стена осталась неизменной, линии рисунка исчезли с нее в процессе трансформации.

Макс, напряженно нахмурившись, вытянул перед собой руку. Миниатюрная платформа задрожала, затем оторвалась от стены и зависла в воздухе. Медленно, но уверенно, она пролетела над городом, вдоль Рейкис-авеню, свернула на Парковую Аллею и, тихо звякнув, опустилась рядом с мальчиком.

Выдохнув, он открыл глаза.

— Спасибо.

— Мне кажется, ты становишься сильнее, — сказал Адриан. — Полет был лучше обычного. Я в этом уверен.

— Нет, это не так, — за деловитым тоном Макс умело скрывал разочарование, он мог бы обмануть почти любого.

— Ну... согласишься, немного телекинеза все же лучше, чем несколько, — Адриан потер висок колпачком маркера. — Хочешь, чтобы наверху стояли фигурки членов Совета?

Макс помотал головой.

— У меня остались те, что ты сделал в прошлом году. — Он огляделся. — Где-то есть.

Помрачнев, он повернулся и посмотрел на Адриана.

— Кто-то правда пытался убить Капитана?

Адриан замялся, но скрывать от Макса правду не имело смысла. Мальчик был умен и слишком Стражен, себе же на беду. Новости он смотрел намного чаще, чем кино или мультфильмы, и, даже взаперти в своей стеклянной темнице, был, казалось, осведомлен о том, что происходит в мире, больше, чем Адриан.

— Да, — ответил он. — Одна преступница по кличке Кошмар.

— Ты уже сражался с ней раньше.

— Не я. У Оскара и других была с ней стычка несколько месяцев назад, а кое-кто из других команд встречался с ней еще раньше.

— Почему она хочет причинить Совету зло?

Адриан начал рисовать на стекле музыкантов из оркестра. Барабанщик и трубач. Целый ряд тромбонов.

— Некоторым нравится, как все было до прихода Отступников к власти.

— Когда все только и делали, что воровали и убивали друг друга?

— Сам не понимаю. Но предполагаю, что люди, которые были тогда у власти, жили совсем неплохо, как думаешь? — Сдвинув брови, он сосредоточенно вырисовывал сложные изгибы французского рожка, но бросил и взамен дал музыканту в руки горн.

— А как по-твоему, этот новый тип, он хочет того же? Снова отдать город преступникам?

— Новый тип?

Макс кивнул на экраны. Адриан проследил за его взглядом, и по спине у него пробежал холодок. В новостях показывали фотографию Стража. Размытый

снимок, сделанный снизу, запечатлел его самого, перепрыгивающего с крыши на крышу на высоте в сотню футов. Судя по этому снимку можно было поверить, что он летит.

Качество фотографии было ужасным, но Адриан впервые видел себя в костюме со стороны — жутковато, но приятно.

Нет, он ни под каким видом не мог признаться в том, что это он. Это невозможно. Никто не должен узнать, что Кошмар упущена по его вине. И тем более, что это он ранил Данаиду.

— Не думаю... — Адриан заколебался. — Мы не знаем, злодей ли он. Возможно, он пытался помочь. Он боролся с ней, а на груди у него, говорят, красная буква «О».

— Но он не из наших, кажется?

Адриан занялся проталкиванием оркестра сквозь стекло, передавая Максиму по одной фигурке.

— Сам не знаю. Оскар предположил, что это новая секретная разработка нашего оружия.

Внимание Адриана привлекло движение на первом этаже, у освещенного входа. Наконец вернулся Совет, таща за собой Кукловода, замотанного в хромированные цепи. Капитан толкнул негодя к одной из групп встречающих, видимо, отдав распоряжение отвести его в тюремный блок. С ними отправилась Цунами, держа наготове стену воды на случай, если Уинстон Прэтт попытается что-то предпринять. Впрочем, попав в штаб Отступников, Кукловод был, судя по всему, слишком потрясен, чтобы думать об атаке.

Черный Огонь хлопал Капитана и Укротителя Ужаса по спинам. Даже отсюда Адриану были слышны его громогласные возгласы — направляясь к лифту, он на ходу говорил что-то о Гром-птице.



Адриан поднялся на ноги. Капитан Хром поднял голову, и выражение его лица смягчилось, возможно, от облегчения, хотя особых причин для беспокойства у него не было. Ему — как и всем — было известно, что Адриан все время был внизу, в толпе и смотрел парад, а потом делал, что мог, помогая зомбированным детям.

Он невольно заулыбался в ответ и приветственно помахал Капитану.

Обернувшись к Максу, он дважды постучал в окно. Мальчик на поднимая головы махнул рукой на прощание. Он пристраивал оркестрантов перед платформой.

Адриан спустился на первый этаж. Вокруг Капитана собрались люди, его забрасывали вопросами. Все хотели знать про неудавшуюся попытку покушения, Кукловода, Кошмар, Стража, но ответов не последовало. Сквозь толпу Капитан пробрался к лестнице навстречу Адриану, торопливо обнял и, легко оттолкнув, схватил за плечи. Адриан поморщился от боли, чувствуя, что швы чуть было не разошлись, но притворился, что улыбается.

— Когда началась эта свистопляска, мы даже не знали, на параде ли ты, — сказал Капитан Хром.

К ним подошел Укротитель Ужаса и с налету приобнял Адриана за плечи.

— Как же здорово, что ты цел и невредим.

Для целого мира это были Хью Эверхарт и Саймон Вествуд. Супергерои. Члены Совета. Первые среди Отступников.

Но для Адриана они чаще всего были просто его родителями.

Он закатил глаза.

— Завязывайте с этим. Вы меня смущаете.

— Уверен, что не в последний раз, — заявил Саймон. — Ты участвовал в бою?

Адриан отрицательно покачал головой.

— Я был в паре кварталов, когда все началось. Пришлось поработать уличным регулировщиком, я отправил несколько автобусов с детьми.

— Трудная работа, — заметил Хью. — Но кто-то должен делать и это.

— Следствие уже началось? — спросил Адриан. — Кукловод работал не один. В это наверняка замешаны и другие Анархисты — а по крышам носилась Кошмар.

Он тревожно взглянул на Хью.

— Она охотилась за тобой.

— Со мной все в полном порядке, — улыбнулся Хью, потерев висок. Адриан помнил, что стрела попала именно в это место, но не оставила даже царапины.

— Вижу, — сказал он. — Но все-таки, сегодня она попыталась тебя убить... и у нее почти получилось. А *Гром-птицу* она ранила. Эта девчонка... она не оставляет нас в покое, и я совершенно уверен, что она действует не сама по себе.

— И мы тоже уверены, — ответил Саймон. — Расследование ведется, но пока нет убедительных данных, что она заодно с Анархистами или какой-нибудь другой группировкой, старой или новой. Ей просто повезло, что сумела улизнуть на шаре Кукловода. А без доказательств...

— ...задержание незаконно, — мрачно кивнув, договорил за него Адриан.

— Если мы будем нарушать правила, то станем такими же, как они, — сказал Хью.

Адриан не стал отвечать. Раньше, когда Отступники еще только появились, им не нужно было придерживаться правил — потому что не было правил, по которым играть. Они были скорее мятежниками, повстанцами, чем правоохранителями, и уж точ-

но, не занимались *законотворчеством*. Они просто делали, что могли, чтобы сделать мир лучше и безопаснее. Даже если иногда это означало добывать информацию шантажом или обманом проникать в тайные притоны, если им казалось, что там происходит что-то подозрительное.

Иногда Адриану начинало казаться, что это было лучше и правильнее. Когда супергерои действуют как супергерои, а не главы правительства.

Возможно, именно поэтому ему и пришла в голову мысль о Страже. В анонимности была свобода. В ней была власть — не отчитываться ни перед кем.

Однако — как показал сегодняшний день — это не избавляло от нежелательных последствий.

— Не волнуйся ты так, — заговорил Саймон, и Адриан поскорей согнал застывшую на его лице злобную гримасу. — Сегодня мы отправили в лабораторию перехваченное у преступницы оружие. Посмотрим, может, что-то и удастся из него вытянуть.

— Она просто начинающая, зарабатывает авторитет, — добавил Хью. — Встречали мы кое-кого и поопаснее.

С этим было трудно поспорить. Они победили самого Аса Анархию, а прочих без счета. И все же, что-то говорило ему, что Кошмар опасна, ее не надо недооценивать. Насколько было известно Адриану, она со своей пулей-дротиком была ближе к убийству Капитана Хрома, чем кто бы то ни был раньше.

Саймон, задрав голову, смотрел на экраны вдоль стены, где хохотал Кукловод, Кошмар махала рукой из корзины аэростата, и, время от времени, мелькал Страж.

Проследив за взглядом Саймона, Хью нахмурился при виде бронированной фигуры.

— Кстати о расследованиях, а о нем что мы знаем?

Хотя их окружала толпа репортеров, ассистентов и патрульных, никто не ответил.

Адриан потер пальцем грудь, где за татуированным рисунком застёжки-молнии был надёжно скрыт Страж.

— Моя группа его видела, когда Кошмар убежала, и все ее преследовали. Страж тоже гнался за ней.

Хью слушал внимательно.

— Он использовал какие-то способности?

— Я... думаю, да. Кажется, да, — Адриан кашлянул. — Оскар предположил, что это разработка нашего научного отдела?

— Что-то новенькое, никогда о таком не слышал, — пробормотал Саймон. — Я переговорю с Оскаром и Руби, может, что-то прояснится.

Внезапно его глаза вспыхнули.

— Я слышал о Данне. Как она?

Адриан замер. Он все еще ощущал жар собственного огня. Все еще видел бабочек, чернеющих и рассыпающихся у него на глазах.

— Целители сказали, поправится.

Саймон снова сдвинул Адриану плечо — отцовский жест утешения, но от него почему-то стало еще горше. Не только из-за Данны, но и потому, что он уже решил не признаваться, что он Страж. Пока не время.

Хью отвернулся лицом к толпе.

— Внимание, — заговорил он таким низким, громовым голосом, что даже дождевой червяк вылез бы из-под земли послушать его. — Если кому-то известно хоть что-нибудь об Одаренном по имени Страж, сообщите об этом Совету. Насколько можно судить, он не один из нас...

Хью помолчал, обвел собравшихся пронзительно-голубыми глазами — словно ожидая, что кто-то выступит вперед и признается: *обалдеть, это ж*

был я! Чтобы не встретиться взглядом с отцом, Адриан посмотрел на Макса, наблюдавшего за ними из карантина.

Хью продолжал.

— Но он использовал наш символ и наше название. Я хочу понять его мотивы. Если это враг, я хочу знать, на кого он работает. Если он наш союзник... я хочу понять, почему он не работает с нами. — Обернувшись к Адриану, он ослепительно улыбнулся фирменной улыбкой Капитана Хрома (даже теперь, спустя столько лет, она вызывала у Адриана странное чувство, будто перед ним не человек, а рисунок на пачке кукурузных хлопьев). — Как знать? Может, он примет участие в наших испытаниях.

— Мистер Эверхарт, мистер Вествуд, — по вестибюлю к ним почти бежала женщина в белом медицинском халате и кроссовках, с блокнотом в руках. — Можно вас на минуточку? Мы получили предварительные результаты по химическому составу на пуле-дротике.

Хью и Саймон присоединились к ней, и все трое повернули назад, к лаборатории. Адриан поспешил за ними, сделав вид, что и его пригласили, а оставшиеся люди разбрелись.

— Физическими характеристиками пули мы пока не занимались, — говорила женщина, переворачивая листки блокнота. — Но раствор по составу практически идентичен ядам, которыми в прошлом пользовался Цианид.

— Цианид, — повторил Хью. — Лерой Флинн? Женщина кивнула.

— Анархист, — припомнил Адриан.

Резко остановившись, все трое повернулись к нему, явно удивленные, что он еще здесь.

Вздохнув, Хью снова обратился к лаборантке.

— А по винтовке пока ничего?

Она покачала было головой, но заколебалась.

— Данные не подтверждены, но на ней, кажется, марка изготовителя. Аналогичная была на оружии, которое мы уже изымали у нарушителей, не связанных с организованной преступностью. Черный рынок, скорей всего.

— Не иначе, в городе новый дилер, — Хью почесал подбородок.

— Или старый дилер, — добавил Саймон, — который вернулся в бизнес.

— Какая разница, откуда ружье? — заговорил Адриан. — Яд изготовлен Цианидом, а мы знаем, что он Анархист. Между ним и Кукловодом должен стоять еще кто-то, на кого работает Кошмар. Или... с кем.

Саймон откинул полы плаща.

— Анархисты бездействовали девять лет. Скорее всего, девушка — преступница из Одаренных, которая пытается прославиться в городе.

— Вы этого не знаете наверняка, — сказал Адриан. — Да и какая разница? Сегодня они на нас напали — Кукловод и Кошмар, вместе. Неужели этого мало для того, чтобы проверить Анархистов, на совершенно законном основании?

— Этого недостаточно для того, чтобы доказать, что Кошмар — действительно одна из них, — улыбнулся Хью, и эта улыбка, такая теплая и добрая, вдруг раздражила Адриана (ни дать ни взять, ласковый папа утешает сына, уставшего на тренировке по софтбоулу). — Но ты, возможно, прав. Мы поручим кому-нибудь разузнать об Анархистах. Пусть последят, спрашивают, может, что-то удастся выяснить.

У Адриана начало подергиваться веко.

— Почему меня не послать? А? Оскар и Руби сегодня были на месте — они знают про Кошмар больше, чем кто-то другой. Отправьте туда мою команду.

— Твоя команда отлично справляется с патрулированием, — возразил Саймон, — но вы не следователи. Найдем кого-нибудь, у кого в этом больше опыта.

Адриан массировал виски.

— Я не думаю... Я просто не уверен, что другая команда отнесется к этому так же серьезно, как мы. Сегодня Кошмар показала, что реально опасна, а если в этом замешаны Анархисты? Пора уже перестать считать их безвредными подвальными крысами. Пусть Аса уже нет, даже без него они все равно преступники. Мы не знаем, чего можно от них ожидать.

Хью расхохотался.

— Ты кажется забыл, с кем разговариваешь, Скетч, — он обратился к сыну, используя его псевдоним Отступника, и Адриан не мог понять, понравилось ему это или прозвучало обидно. — Пусть Анархисты пытаются вернуть себе власть в городе. У них нет ни малейшего шанса — и неважно, участвует в этом *Кошмар* или нет. Мы пока еще супергерои, знаешь ли.

Отвернувшись от Адриана, они с Хью и женщиной пошли дальше, к лифтам, обсуждая на ходу уже другие дела Совета — как успокоить горожан после сегодняшней атаки, что им делать с Уинстоном Прэттом и как выйти на торговца оружием, заправляющего на черном рынке.

Скрестив руки на груди, Адриан смотрел им вслед, не в силах отделаться от мысли, что Хью Эверхарт ошибается. Они больше не супергерои — не такие, какими были раньше. И не потому, что постарели или давно не были в деле, а все время заседают в Совете, предоставив борьбу с преступниками молодой смене. Просто теперь у них были правила. Правила они же сами и разработали, но

какая разница, если это все равно связывало им руки.

Решение казалось ему простым, совершенно очевидным. Отступникам было известно, где обитают Анархисты. Каждые несколько месяцев туда навывались их патрули, чтобы убедиться, что никто нелегально не торгует оружием, не делает бомбы и не готовит смертоносные зелья вроде того, какое обнаружили в стреле. Только и надо было — пойти туда и потребовать выдачи этой девицы.

А вместо этого туда отправят кого-то другого, чтобы... чтобы что? Задать пару пустых вопросов, а потом вежливенько извиниться, что отняли у них время?

Кукловод и цианид — оба они Анархисты, хранившие верность Асу с самого начала. Маловероятно, что Уинстон Прэйт теперь действует в одиночку. А то, что Кошмар запрыгнула к нему в корзину, и тот факт, что на ее пуле обнаружен яд Цианида, мог счесть совпадением только очень уж наивный человек.

Если Анархисты снова поднимают голову, набирают новых членов, плетут замыслы против Совета, сейчас самое время их остановить, не дожидаясь, пока они наберут силу и выйдут из-под контроля.

Просто нельзя допустить, чтобы они снова вышли из-под контроля. Довольно. Прошло девять лет, но мир до сих пор зализывал раны, нанесенные во время правления Аса Анархии.